КОММУНИСТ

Орган левых течений социализма

С.-Д. Большевиков (коммунистов), С.-Р. Максималистов и Анархистов-Коммунистов.

Цена 20 к.

Плата за объявления: строка петита: на 1-й стр. 50 коп., на 2-й и 3-й стр. 40 коп. и 4-й стр. 30 коп.
Принимается подписка: на газету „Коммунист". Цена 3 руб. 50 коп. в месяц.
Адрес редакции: Графская ул. № 35, телефон № 172.
Газета выходит ежедневно, кроме дней после праздничных.

События дня:

Вперед-к свободным городам и селам-КОММУНАМ, где труд будет приятен и отдых спокоен!

№ 4. г. Благовещенск. Суббота 27(14) апреля 1918 г. № 4.

Со вторника 23 апреля 1918 года выходит новая газета

„КОММУНИСТ"

орган леваго соціалистическаго теченія (С.-Д. большевиков, С.-Р. максималистов и анархистов-коммунистов), имеющий своей целью об'единение всего трудового народа на стремлении:

„Вперед к свободным городам и селам—коммунам, где труд будет приятен и отдых спокоен".

Подписная плата на газету за 3 месяца 10 руб. 50 коп. За 1 месяц 3 руб. 50 коп. Стоимость отдельнаго номера 20 коп.

Иногородним—почтовая прибавка (пересылка).

Контора и редакция помещается на Графской междуАмурской и Иркутской в д. № 35.

Редакция просит и призывает представителей трудового народа и трудовой интеллигенции—освещать всесторонне и полнее вопросы государственной, общественной жизни, не обращая внимания на чистоту, образность и красочность стиля—языка.

Ко всем таким материалам и сообщениям редакция будет относиться внимательно и глубоко-серьезно и будет благодарна!

КИНО-ТЕАТРЫ, КАК НАУКА.

Комиссариатом Просвещения выписаны ленты для местных кинематографов, освещающия научную сторону жизни, с целью дать зрителям, кроме развлеченья, научное развитие.

Членовъ Инициативной Группы по устройству Рабочаго Клуба Читальни

„ИНТЕРНАЦИОНАЛ"

просят явиться в пятницу 26 апр. с. г. к 5 час. веч. в клуб,

на заседание

где должны быть решены важные вопросы.

Просьба собраться всем членам.

Об'явление.

Комиссариат Просвещения.

В дополнение к об'явлению об обязательном производстве экзаменов, Комиссариат Просвещения разъясняет, что в тех школах, где по местным условиям являются затруднения пригласить ассистентов из соседних школ, вопрос о том, нужно ли производить экзамены предоставляется решить местному школьному коллективу, а в тех селениях, где находится один учащий—ему совместно с представителями от родителей учащихся.

Комиссар Просвещения *С. Корович.*

Секретарь *А. Пугин.*

Где выход.

Рабство рабочих происходит от того, что существуют правительства. Но если рабство рабочих происходит от правительства, то для освобождения естественно представляется необходимость уничтожение существующих правительств и установление новых правительств,—таких, при которых было бы возможно освобождение земли от собственности, уничтожение податей и перехода капиталов и фабрик во власть и распоряжение рабочих.

Есть люди, признающие возможным этот выход и готовящиеся к нему. Но, к счастью (потому что такое действие, всегда связанное с насилием и убийством, безнравственно и губительно для самаго того дела, как это много раз повторялось в истории), такия действия невозможны в наше время.

Уже давно прошло то время, когда правительства еще наивно верили в свое благое для человечества назначение и не принимали мер обезпечения себя от возмущений (кроме того, тогда не было железных дорог и телеграфов), и легко свергались, как это было в Англии в 1640 г., во Франции в большую революцию и после, и в Германии в 1848 г. С тех пор была только одна революция в 1871 году, и та в исключительных условиях. В наше же время революции и свержение правительств прямо невозможны. Невозможны они потому, что в наше время правительства, зная свою ненужность и зловредность и то, что в наше время никто уже не верит в их святость, руководятся одним чувством самосохранения и пользуясь всеми теми средствами, которыми они обладают, постоянно на стороже против всего того, что может не только нарушить, но пошатнуть их власть.

У каждаго правительства в наше время есть армия чиновников, связанная железными дорогами, телеграфами, телефонами, есть крепости, тюрьмы со всеми новейшими приспособлениями—фотографии, антропометрическия измерения, мины, пушки, ружья, все самыя усовершенствованныя орудия насилия, какия только есть,—и как что новое выходит, тотчас же применяется для их цели самосохранения.

Есть организация шпионства, подкупное духовенство, подкупные ученые, художники, пресса. И в то же, у каждаго правительства есть комплект извращенных патриотизмом, подкупом и гипнотизмом офицеров и миллионы физически сильных и нравственно не развитых 21-летних детей—солдат, или сброд безнравственных нанятых людей, одуренных дисциплиной и готовых на всякое преступление, которое им предпишут их начальники.

И потому в наше время уничтожить правительство, обладающее такими средствами и стоящее всегда на стороже,—силою невозможно. Никакое правительство не допустит себя до этого. А до тех пор, пока будет правительство, оно будет поддерживать землевладение, собирание податей и владение капиталами, потому что крупные земледельцы, чиновники, получающие жалованье из податей, и капиталисты составляют части правительства. Всякая попытка рабочих овладеть землею, принадлежащей частным собственникам, кончится свегда тем, чем она кончалась всегда,—тем, что придут солдаты, собьют и прогонят тех, которые хотят захватить землю, и отдадут ее собственнику. Тем же кончится всякая попытка не заплатить требуемой подати—придут солдаты, отнимут то, что требуется на подати, и побьют того, кто отказывался отдать требуемое. То же будет и с тем, кто попытается не то, что захватить орудия производства, фабрику, но даже отстоять стачку, не дать чужим рабочим сбивать цену работы. Придут солдаты и разгонят участников, как это происходило и происходит безпрестанно, везде,—и в Европе, и в России. Пока в руках правительства, живущаго податями и связаннаго с собственниками земли и капиталов, солдаты,—революция невозможна. И до тех пор пока в руках правительства солдаты, устройство жизни будет такое, какое желательно тем, в руках кого солдаты.

Так что круг замкнут, и выхода как будто нет никакого.

Предлагаемый революционерами выход, состоящий в том, чтобы силою бороться с силою, очевидно невозможен. Правительства, владея уже дисциплинированной силой, никогда не позволять образованию другой такой же дисциплинированной силой.

Все попытки прошлаго столетия показали, как тщетны такия попытки. Выход тоже не в том, как это думают некоторые социалисты, чтобы образовать такую большую экономическую силу, которая могла бы побороть сплотившуюся и все более сплачивающуюся силу капиталистов. Никогда союзы рабочих, владеющие несколькими жалкими миллионами, не будут в состоянии бороться с экономическим могуществом миллардеров, всегда поддерживаемых военной силою. Так же мало возможен выход, предлагаемый другими социалистами и состоящий в овладении большинством парламента. Такое большинство в парламенте ничего не достигнет до тех пор, пока войско будет в руках правительств. Как только решения парламента будут противны интересам правящих классов, правительство закроет и разгонит такой парламеат, как это всегда и повторялось, и будет повторяться, пока войско в руках правительства. Внесение в войско социалистических принципов ничего не сделает. Гипнотизм войска так искусно приспособлен, что самый свободомыслящий и разумный человек, до тех пор пока он в войске, всегда будет исполнять то, что от него потребуется. Так что выход не в революции и не в социализме.

Если есть выход, то это тот, который до сих пор никогда не употреблялся, и который между тем только один несомненно уничтожает всю столь сложно и искусно, и так давно устроенную правительственную машину порабощения народа. Выход этот в том, чтобы отказываться от поступления в военную службу, еще прежде чем попадешь под одуряющее и развращающее влияние дисциплины.

И потому естественно является вопрос: кто же эти солдаты?

Солдаты эти—те самые люди, у которых отнята земля, с которых собирают подати, и которые находятся в рабстве у капиталистов.

Зачем же они, эти солдаты, идут против себя?

А делают они это потому, что не могут поступать иначе. Не могут же они поступать иначе потому, что длинным, сложным прошлым и воспитания, и религиознаго обучения, и гипнотизации они приведены в такое состояние, что не могут разсуждать, а могут только повиноваться. Правительство, имея в своих руках отобранныя у народа деньги, на эти деньги покупает всякаго рода начальников, которые должны вербовать солдат, и потом начальников военных, которые должны обучать, т. е. лишать солдат человеческаго сознания; главное же, на эти деньги правительство подкупает учителей и духовенство, которые должны всеми средствами внушать и взрослым, и детям, что солдатство, т. е. приготовление к убийству, есть не только дело полезное людям, но и доброе и богоугодное. И год за годом, несмотря на то, что они видят, что они и им подобные порабощают народ богачам и правительству, они покорно поступают в солдаты и, поступив, безпрекословно исполняют все им предписанное, хотя бы то было не только очевидный вред своим братьям, но убийство своих родителей.

Подкупленные чиновники, военные учителя и духовенство приготовляют солдат, одуряя их.

Солдаты, по приказанию начальников и под угрозой лишения свободы, ран и убийств, отбирают доходы с земли, подати, и доходы с фабрик, с торговли в пользу правящих классов. Правящие же классы часть тех денег употребляют на подкуп начальников, военных учителей и духовенства.

Выход этот единственно возможный и вместе с тем неизбежно обязательный для кажд го частнаго человака. Он единственно возможный, потому что существующее на трех действиях правительств: на грабеже народа, на раздаче этих награбленных денег тем, кто устраивает этот грабеж, и на наборе народа в солдаты.

Частный человек не может помешать правительству производить грабежь народа, посредством набраннаго войска, не может также помешать раздавать собранныя с народа деньги тем, которые нужны правительству для набора солдат и одурения их, но он может помешать поступлению народа в солдаты и разъясняя другим людям сущность того обмана, на который они попадают, поступая с солдаты.

Но мало того, что каждый частный человек *может* это делать, всякий частны человек *должен* это делать. Всякий частный человек должен это делать потому, что поступление в военную службу есть отречение от всякой религии, какую бы он ни исповедывал (всякая запрещает убийство), и есть отречение от человеческаго достоинства—есть добровольное поступление в рабство, имеющее целью только убийство.

В этом единственно возможный, необходимый и неизбежный выход из того порабощения, в котором правящие классы держат рабочих.

Выход не в том, чтобы насилием разрушать насилие, не в том, чтобы захватить орудия производства, или в парламентах бороться с правительствами, а в том, чтобы каждому человеку самому для себя сознать истину, исповедывать ее и поступать сообразно с ней. Истина же о том, что человек не должен убивать ближняго, уже настолько сознана человечеством, что она известна каждому.

Только бы люди прилагали свои силы не к внешним явлениям, а к причинам их: к своей жизни, и, как воск от лица огня, растаяла бы та власть насилия и зла, которая теперь держит и мучает людей.

Лев Толстой.

Земля для народа.

(Окончание).

Мы предлагаем уничтожить все государственные и местные налоги, собираемые в настоящее время, и установить один только налог с ценности земель. Заметьте это, мы предлагаем установить налог лишь с ценности земли,—отнюдь не с ценности улучшений в ней или на ней, отнюдь не с той ценности, которая создана была в ней трудами людей и которая принадлежит трудящимся. Мы предлагаем установить налог только с ценности земли, независящей от улучшений, так, чтобы с известнаго пространства неулучшенной земли взималось бы столько же налога, сколько с такого же участка улучшенной земли, чтобы с застроеннаго участка в городе взималось столько же налога, сколько с такого же участка незастроеннаго. Вот что мы называемединым налогом. Мы брали бы в нем лишь ренту в собственном смысле этого слова, и было бы лишь естественно и справедливо, чтобы человек, владеющий землей лучшаго качества уплачивал бы обществу тот излишек, который он получал бы за счет „предоставленной ему обществом привилегии.

Однако сверх ренты в собственном смысле этого слова,—так сказать, „экономической" ренты,—есть

Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

еще рента, вымогаемая путем монополии, рента, которую можно бы было назвать „монопольной“ рентой. В той стране, куда мы по предположению, отправились бы при порядке, разсмотренном нами, каждый уплачивал бы ежегодно в общую казну соответственно той привилегии, какой он пользовался бы, владея землей известной ценности и люди, во владении которых не было бы ценной земли, не знали бы никаких платежей. Рента, которую уплачивали бы отдельные члены общества, определялась бы только лишь ценностью той особой привилегии, какой они пользовались бы от общества. Но представьте себе, что всей этой страной, которая оказалась бы островом, владел бы один какой-нибудь человек—что, переселяясь туда, вы были бы так неосторожны, что позволили бы хотя мне пред'явить особое право на этот остров и назвать его своим.

И вот там возникло бы то, что я назвал монопольной рентой. Я мог бы заставить вас отдавать мне каждый зарабатываемый вами грош, оставляя вам лишь столько, сколько необходимо для поддержания жизни, и если я не мог бы требовать от вас большаго, то только потому, что тогда вам пришлось бы умереть. Именно эту-то монопольную ренту в значительной мере и представляет из себя все то, что собирается теперь землевладельцами Ирландии с ея народа. Право взимать ее является следствием права удерживать землю вне пользования, права отстранять от нея рабочия руки. Обложите землю соответственно ея полной стоимости, и от права этого не останется и следа: самый богатый землевладелец окажется не в состоянии владеть пустующей землей. Всюду это простое средство понудит собственников земли или пользоваться ею или передать ее в руки людей, которые желают ею пользоваться; арендная плата за землю упадет до размера экономической ренты и будет поступать не в собственность частных лиц, а в общую казну на пользу всего общества.

Применяя наши законы к Ирландии, мы скажем, что арендная плата за землю Ирландии должна равняться лишь ренте, в экономическом смысле этого слова, и должна уплачиваться не собственникам земли, живущим где-нибудь в Лондоне, в Париже, в Глазкове или в самой Ирландии, а в ирландское казначейство, чтобы расходоваться на нужды всего ирландскаго народа.

Один господин в Тумбридже разсказывал мне, что он имел с кем-то разговор, во время котораго им было упомянуто мое имя. „Но если правда все, что вы говорите,—заметил его собеседник,—то почему же мы раньше-то не слыхали ничего подобнаго и требовался непременно какой-то Генри Джердж, чтобы открыл нам все это?“ Но не Генри Джордж открыл все это.

Еще в старину говорили почти о таком же порядке, да и теперь я не мог бы обойтись, чтобы не упомянуть имени одного из выдающихся ирландских деятелей, заявившаго себя сторонником того же закона задолго до того, как он слышал что-либо обо мне. А я назову вам имя этого только человека. Многие из вас, вероятно знают богослова Нельти, мизскаго епископа. Во всяком случае все вы слышали о нем. И вот в 1881 году, когда я еще ни разу не был в Ирландии и Нельти ничего еще не слыхал обо мне, он опубликовал письмо свое по земельному вопросу к духовенству и мирянам мизской епархии. В письме этом он излагал как раз те самые законы, которые я отстаиваю теперь перед вами. Он излагал те истины, достаточно очевидныя для каждаго, что все люди суть одинаково дети Творца, что Бог сотворил землю для всех созданий, что все Его дети, как старший сын самаго гордаго пэра, так и младший сын самаго беднаго крестьянина, наделены одинаковым правом на пользование Его милостями за время своей земной жизни. Он излагал ту истину, что земля Ирландии в отношении пользования ею, и только в этом отношении принадлежит народу Ирландии, что даже и во всем составе народ Ирландии не может представлять на нее никаких прав собственности. Никакое поколение не может считать своим этот мир или какую-либо его часть. Он создан не людьми, и люди являются лиш его временными обитателями. Мы сюда приходим и уходим отсюда сменяющимися рядами поколений на время короткой нашей жизни, а земля во все дни остается нашим жилищем, нашей житницей и местом работы, и не для одного какого-либо человеческаго поколения, а для всех поколений. Нельти излагает как раз ту самую истину, которую я пытался здесь вкратце изложить перед вами, что существует право собственности, проистекающее от труда, от производства; что это—закон природы, закон Бога, чтобы все люди трудились и чтобы все, что производит человек своим трудом, было его неот'емлемой собственностью, но чтобы запас, из котораго все берется, сама земля не принадлежала никому, а находилась как раз в том самом порядке пользования, какой предложен мною; пусть она находится во владении известных лиц, но пусть эти лица платят за эту привилегию в общую казну, а казна эта пусть употребляется на общее благо. Нельти утверждает затем, что всякий человек, вникнувший в дело, от души согласится с тем, что естественный закон ренты, тот закон, в силу котораго с ростом народонаселения все увеличивается и увеличивается ценность земель, является самым убедительным и наглядным доказательством не только премудрости, но также и благости Творца.

Исполняй только люди Божию заповедь справедливости, исполняй только люди основное правило христианской нравственности,—не делать другим того, чего ты не желал бы, чтобы делали тебе другие,—и это естественное установление, этот закон ренты стал бы приводить с развитием образования не к чудовищным противоположностям богатства и бедности, как это мы видим теперь, а к все большему и большему равенству.

Вот те простые, ясные законы, которые мы отстаиваем, и мы предлагаем простое, удобоприменимое средство к возстановлению равенства прав людей на землю и отмене всех налогов и установлени налога с ценности земель, не зависящей от улучшений, подняв который до размера ренты, мы уничтожили бы присвоение земли и создали бы фонд для удовлетворения нужд всего общества. Насколько удобоприменимо это средство, можно видеть между прочим и из того, что, воспользовавшись, им, мы могли бы перейти от теперешняго грубо несправедливаго общественнаго строя к идеально-справедливому, совсем не сталкиваясь с вопросом о вознаграждении собственников за передачу земли во владение всего народа. Никому и в голову не пришла бы та мысль, чтобы нужно было вознаграждать человека за то, что он сделан плательщиком налога... И я вам скажу, что по моим личным наблюдениям [а за эти три месяца я говорил местах в семидесяти в Англии и Шотландии] идея единаго налога быстро завоевывает себе внимание общества в этих странах и вскоре сделается очередным вопросом внутренней политики в Великобритании. Не меньше успехов делает эта идея и по другую сторону Атлантическаго океана, в Соединенных Штатах, где можно встретить горячих поборников ея и в городах, и в селах, и в одиноких хижинах, а о том, как стремительно проникает эта идея в область законодательства под Южным крестом, вам, надеюсь, поведает находящийся здесь г-н Герленд, член парламента из Новаго Южнаго Уэльса. И я прошу вас здесь сегодня вечером присоединиться, насколько это возможно для вас, к этому общему движению и двинуть вперед наше дело. Оно имеет не местное, а мировое значение. Оно затрогивает интересы не одного только ирландскаго, английскаго или шотландскаго народа или народа какой-либо иной страны, а интересы всего народонаселения земли. За что мы боремся, так это за свободу всего человечества; чего мы добиваемся, так это—уничтожения того промышленнаго рабства, которое кабалит людей не менее, чем кабалил их жестокий закон. Тридцать лет тому назад вы могли побывать в Георгии, в Луизиане или в Новой Каролине в каком-нибудь богатом поместье и видеть там сотни негров-рабов, тяжко трудившихся, одетых в рубища, полуголодных и живших в жалких хижинах. И тут же вы могли видеть их владельца, который не работал, а жил в роскошном доме, проводя зиму в поездках на север или за Атлантический океан. То была известная форма рабства, форма присвоения труда других людей, принуждения работать их на себя, ничего не платя им за это. Но что мы видим в Ирландии? Здесь нет рабства! здесь свободны все люди! А побывайте в каком-нибудь богатом поместье, и вы увидите там сотни людей, тяжко трудящихся, одетых в рубища, полуголодных и живущих в жалких хижинах,—людей, которые в хорошую пору еле сводят концы с концами, а в случае неурожая должны обращаться к общественной благотворительности, чтобы не умереть с голода.

И тут же увидите вы роскошный дом и великолепный парк, принадлежащий человеку, который вовсе не работает, но который тем не менее наслаждается всем тем, что только производит труд,—который едва удостоивает своим присутствием свое владение в течение нескольких недель или месяцев и все остальное время проводит, роскошествуя где-нибудь в Лондоне или в Париже или путешествуя на собственной яхте. Есть ли какая разница в обоих случаях? Да только разница в форме. И в том и в другом случае человек, не работая, берет себе работу других. В одном случае он берет себе ее потому, что он владеет их телами, в другом потому, что владеет землей. Если бы на том острове, о котором я вам говорил, вы позволили мне назвать землю своей, то я сделался бы вашим господином, а вы моими рабами в такой же мере, как если бы я завладел вашими телами. Вот где причина того промышленнаго рабства, которое существует всюду в цивилизованном мире; вот где причина низкой заработной платы и постоянной безработицы. Однако вам не нужно бы было прибегать к междуусобной войне, чтобы избавиться от этого рабства. Есть сила более могущественная, чем сила меча, и эта сила есть сила общественнаго мнения. Что порабощает людей, так это только невежество и предразсудки. Нам нужно лишь обратиться к первым законам, нам нужно лишь утвердить естественныя права людей.

Замечу только, что мы не могли бы избавиться от этого рабства путем применения таких мер, какия предлагаются ирландскими патриотами,—путем выкупа земли у помещиков и продажи ее их крестьянам. Какой толк был бы от того для других рабочих? Какой толк от того был бы для ремесленников в городе? Да и был ли бы от того какой-либо толк для тех же крестьян с течением времени? Разве не водворился бы здесь опять тот же порядок благодаря переменам счастия, благодаря различиям между людьми, которыя делают одних богатыми, а других бедными, одних продавцами и заемщиками, а других покупателями и кредиторами? Да не была бы и справедливой такая мера. Какое право имеет крестьянин пользоваться благодеяниями общества предпочтительно пред другими его членами? Если покупать землю для крестьян, то почему не покупать обувь для ремесленников, магазины для приказчиков, лодки для рыбаков, почему и вообще правительству не заняться снабжением всех и каждаго потребными орудиями производства? Да и самый выкуп то этот что из себя представлял бы? Что, в сущности, стали бы мы выкупать? Право брать подать с своего ближняго? Право присвоивать то, что принадлежит всем? Не этого требует от нас справедливость. Если бы при возстановлении за людьми принадлежащаго им права надо было думать о чьем-либо награждении, то следовало бы подумать скорее о вознаграждении людей, которые страдали от неправды, чем людей, которые учиняли ее и пользовались ей.

Мертвецы Коммуны.

(Окончание).

Дюваль и оба его товарища, не удостоив его даже ответом, сами становятся к стене, снимают шинели и с криком:

— Да здравствует Коммуна!—падают пораженные пулями.

Это были первые мученики Коммуны. Версальцы только что начинали ту бойню, которая должна была окончиться истреблением целаго населения.

Они были первыми и самыми счастливыми. Они умерли, с верою в победу: эта была, ведь, только первая битва. Позади себя они чувствовали Париж, грозный и могучий.

Спите же с миром, друзья,—ибо вы не ошиблись! Прийдет время и другие возстанут, чтобы продолжать то дело, которому вы отдали вашу молодость и вашу жизнь! Прийдет день, день, когда освобожденный народ громко назовет ваши имена, которыя теперь едва смеет произносить шепотом, и тогда своим мощным голосом он воскликнет:

— Честь вам и благодарение, мученики часа перваго!

Рядом с этими, в славном Пантеоне мучеников будет вырезано имя

Верморель.

Этот был тоже молод. Родился он в 1841 году. Имя свое сделал известным публицистикой.

Подобно Делеклюзу, подобно, Флурансу, он покинул, отряхнув пыль от своих ног, лагерь буржуазии, чтобы вложить свою руку в руку народа, жить, сражаться, умереть с ним за него.

Но Верморель воспитывался к тому же в иезуитской семинарии. И он все преодолел, даже клерикальное воспитание, даже ядовитое влияние иезуита.

Основав газету „Французский Курьер“, он одним из первых во время Империи поднял знамя социалиста.

Клевета была ему наградой. В течение долгаго времени и в среде революционной партии он считался подозрительным.

Когда его выбрали в Коммуну, он находился в отсутствии; но он тотчас же явился на зов. Он не верил в победу и не обольщался иллюзиями. Но он, не задумываясь, пошел туда, куда звала его честь и опасность.

Здесь он не замедлил сделаться одним из главнейших ораторов собрания и обнаружил деятельность самую неутомимую и самую разностороннюю. Он регулярно присутствовал на всех собраниях в Городской Ратуше, принимал деятельное участие в работах своей комиссии; когда не мог говорить лично—писал; если требовалось, он бегал по аванпостам; был, одним словом, везде и повсюду, где считал себя способным оказать какую-нибудь услугу, где находил нужным исполнять какую-нибудь обязанность.

Когда Версальцы вошли в Париж, этот литератор, этот журналист, в котором не было и тени солдата, прошлая жизнь котораго была вся—наука, вся—умственная работа, этот человек вдруг преобразовывается, принимает участие в битвах, возит фургоны, разносит приказы, является повсюду, где опасность наибольшая, рискуя быть убитым двадцать раз в час.

Наконец он падает пораженный пулею.

Его уносят, стараясь укрыть. Но его открывают и несут пленником в госпиталь, где он немедленно умирает.

Как мучительна должна была быть эта продолжительная агония под караулом версальских тюремщиков, вдали от своих, без возбуждения боя, в самый разгар этой мрачной и кровавой гибели перваго города в мире и благороднейшаго дела в истории.

Несколько часов перед тем, как быть раненым, Верморель, привозивший снаряды в Монмартр, встретился с Ферре.

— Видите, Ферре—сказал он ему, намекая на некоторыя печальныя разногласия,—члены меньшинства исполняют свой долг.

— Члены большинства исполняют свой!—ответил Ферре.

И оба эти человека, которые должны были так скоро умереть, и тот и другой, расходятся с этими гордыми словами.

Но перо выпадает у меня из рук, а имена так и толпятся в моей памяти.

Мне хотелось бы говорить обо всех, но я не мог бы даже перечесть их имена!

Но скажу еще об одном,—о.

Ферре.

В Пелажи, в тюрьме, куда нас обоих бросил деспотизм Империи, познакомились я в первый раз с Ферре.

Невозможно забыть эту бледную, сухую, энергичную фигуру и это лицо, пересеченное длинным, падавшим прямо на рот, носом, и эти черные глаза с быстрым мрачным взглядом.

В Коммуне он редко принимал участие в прениях. Он занимался полицией вместе с Руалем Риго, котораго под конец и заменил в качестве делегата при префектуре.

Всегда спокойный, обыкновенно молчаливый, несколько холодный на вид, этот человек вмещал железную волю и мужество героя в слабом и хрупком теле.

Это была натура экзальтированная, хотя и сосредоточенная, напоминавшая своим сдержанным энтузиазмом и несокрушимой волей тех реформаторов XVI века, которые повторяли свое исповедание веры среди пламени костров.

Перед лицом военнаго совета, приговорившаго его к смерти, при самых грубых оскорблениях, он был величествен своим холодным спокойствием и презрением к палачам, которых победа перерядила в судей.

За час до казни он написал сестре письмо без фраз, в котором об'являет себя полным атеистом и материалистом.

В течение двенадцати недель со дня произнесения приговора он ждал смерти!

Версальцы умышленно продолжали предсмертныя муки осужденых, надеясь такой пыткой сломить эти геройские души.

Гастон Кремье, из Марселя, был казнен шесть месяцев спустя после своего приговора.

Но палачи ошиблись.

Ни один из них не изменил себе! Все, как на улицах, так и у столба Сатори, как неизвестные, так и знаменитые, как в темном закоулке, так и пред глазами истории, все умерли безтрепетно, с высоко поднятой головой.

У Ферре, как и у прочих, была своя Голгофа.

Мать его умерла сумасшедшей с отчаяния.

Брата его держали, как помешаннаго, в одиночестве версальских клеток.

Отец его был в плену.

Сестра его, 19 лет, осталась одна в этом ужасном одиночестве, населенном призроками убитых или помешанных, между только что засыпанной могилой матери и только что вырытой, зияющей могилой, ожидавшей ея брата.

Безмолвная, гордая, непоколебимая достойная брата, которому предстояло умереть, она работала день и ночь, чтобы жить самой и приносить каждую неделю двадцать франков осужденному.

Наконец, 25 ноября, в шесть часов утра, Ферре повели на Сатори вместе с Росселем и Буржуа,—бедным солдатом, имя котораго тоже следует помнить.

Весь в черном, с сигарой во рту, на котором не шевельнулся ни один мускул, медленным и твердым шагом он пошел к столбу, который был ему назначен, встал и взглянул в лицо смерти.

Раздался залп. Россель и Буржуа упали, Ферре остался на ногах.

Раздался второй залп,—он опустился.

Тогда один из солдат подходит и вкладывает ему в ухо дуло своего шаспо и простреливает ему голову.

Его убивают в три приема.

Таковы были эти люди! Таков был народ Коммуны!

Мы закончим грозными словами, сказанными Ферре пред военным советом, которому поручено было зарезать его „на законном основании“.

Всякия комментарии ослабили бы их.

Это, вместе с тем—пророчество о грядущем воскресении безсмертной идеи, которую тщетно старались утопить в крови ея защитников:

„Как член Коммуны, я во власти ея победителей. Они хотят моей головы—пусть берут ее! Никогда я не попытаюсь спасти свою жизнь подлостью. Я жил—свободным, таким и умру“.

„Прибавлю еще одно: счастье изменчиво. Будущему поручаю я заботу о моей памяти и мою месть“.

И будущее исполнит это завещание!

Къ молодым людям.

I.

Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно к вам. Пусть старики, т.-е. старые духом и сердцем, оставят эту книгу и не утомляют даром глаз над чтением, которое им ничего не даст.

Я полагаю, что вам восемнадцать—двадцать лет, что вы заканчиваете свое образование или обучение ремеслу и вступаете в жизнь.

Я думаю, что вы свободны от предразсудков, которые вам старались внушить; вы не боитесь чертей и не станете слушать пустых бредней священников и пасторов.

Вы не принадлежите, конечно, к тем печальным продуктам человечества в периоде упадка, к тем жуирам, которые целые дни мерят тротуары в модных брюках, с вылощенными физиономиями, и уже в этом возрасте мечтают только о безплодных развлечениях. Напротив, я думаю, что вы здоровые люди, жаждущие разумнаго труда, и потому я обращаюсь к вам.

Не раз уже вы ставили себе, должно быть, следующий вопрос: кем я буду? В вас ясно сознание, что вы изучали какую-нибудь науку или ремесло—на счет общества, заметьте это,—не для того, чтоб воспользоваться ими, как орудием для эксплоатации. Надо быть слишком испорченным и из'еденным пороками, чтоб не желать в вашем возрасте посвятить все свои способности, знания и силы служению тем, которые коснеют в невежестве и нищете.

Вы, конечно, мечтали об этом?

Поговорим о том, как осуществить ваши мечты.

Я не знаю, в каких условиях вы родились и воспитывались. Может быть, баловни судьбы, вы получили научное образование; вы будете доктором, адвокатом, писателем, или ученым; широкое поле деятельности откроется перед вами; вы вступите в жизнь с обширными познаниями, с выработанными способностями к труду.

Может быть, вы будете честными ремесленниками; ваши научныя познания ограничиваются тем немногим, что вы получили в начальной школе; но зато вы хорошо знаете, какова тяжелая трудовая жизнь наших рабочих.

Остановимся сначала на первом предположении. Представьте себе, что вы доктор.

Завтра придет рабочий звать вас к больной. Он поведет вас в один из тех грязных, узких переулков, где соседки через улицу жмут друг другу руки над головами прохожих.

При тусклом освещении коптящей лампы, задыхаясь от спертаго воздуха и вони, подымаетесь вы в пятый этаж по грязной, скользкой лестнице. Вы входите в темную, холодную комнату, где в углу, на куче грязных тряпок, лежит больная, покрытая какими-то лохмотьями. Бледныя, исхудалыя дети, дрожа от холода, вопросительно смотрят на вас широко открытыми глазами. Всю жизнь муж работал по двенадцати, тринадцати часов в сутки, как бы ни был тяжел его труд: теперь, вот уже три месяца, как он не находит работы. Безработица бывала и прежде: она повторяется периодически каждый год. Но тогда жена ходила работать поденно... быть может, стирать наши рубашки, по полтиннику в день.

Но вот уже три месяца, когда она не встает с постели, и ужасающий призрак нищеты и голода стал перед семьей.

Что посоветуете вы больной, господин доктор? Вы, который знаете, что единственная причина ея болезни—недостаток пищи и воздуха? Хороший бифштекс каждый день, немного движений на свежем воздухе, сухую, светлую комнату? Какая насмешка! Разве она без ваших советов не знает, что все ей нужно!

Если вы сумеете вселить к себе доверие и захотите поговорить с этой семьей, она разскажет вам, что за перегородкой живет гладильщица, которую постоянно мучает душу раздирающий кашель, что в нижнем этаже все дети лежат в лихорадке, что прачка, поселившаяся в подвале, не дотянет до весны и что в соседних домах еще того хуже.

Что посоветуете вы всем этим больным? Хорошее питание, перемену климата, менее изнурительный труд?.. Вы не решитесь, конечно, этого сделать и поторопитесь уйти с разбитым сердцем, с проклятием на устах.

Вы еще находитесь под впечатлением этой ужасной нищеты, когда ваш товарищ разсказывает вам, что за ним только что приезжал выездной лакей; он повез его в роскошный отель к светской барыне, изнуренной безсонными ночами, отдающей жизнь туалетам, визитам, танцам и безконечным ссорам с дураком мужем. Ваш товарищ предписал ей более спокойную жизнь, менее возбуждающую пищу, побольше прогулок и комнатную гимнастику, чтоб заменить до некоторой степени продуктивный труд.

Одна умирает оттого, что она никогда не была сыта и не отдыхала; другая чахнет оттого, что всю свою жизнь она не знала, что такое труд..

Если вы одна из тех дряблых натур, которыя легко мирятся со всем, и при виде самых возмутительных фактов ограничиваются пустыми словами и утешаются кружкой пива, тогда, конечно, вы быстро свыкнетесь с этими контрастами и постараетесь, чего бы это ни стоило, поскорее стать в ряды привилегированных, чтоб не попасть, как-нибудь, в число угнетенных. Но, если вы „человек“, если вы реагируете соответствующим поступком на каждое ваше чувство, если животные инстинкты не убили в вас окончательно мыслящаго существа, тогда, выходя из дома нищеты и страданий, вы скажите: „Это несправедливо, это не должно итти так дальше! Надо предупреждать болезни, а не лечить их. Немного довольства, побольше умственнаго развития и половина болезней исчезнет. Бросим все лекарства! Воздух, питание, менее изнурительный труд, вот с чего надо начать. Без этого медицина—только обман и надувательство!»

В этот день вы поймете, что такое социализм. Вы захотите поближе познакомиться с ним, и если альтруизм для вас не пустой звук, и вы примените к изучению социальных вопросов строгий метод натуралиста, вы попадете в наши ряды и будете вместе с нами работать для социальной революции.

Но, быть может, вы скажете: „Бросим практику! Посвятим себя науке. Предадимся, подобно физику, астроному, химику, тем безконечным радостям, которыя дают изучение тайн природы и развитие наших умственных способностей“. В таком случае, скажите, чем отличается ученый, занимающийся наукой, от пьяницы, который ищет в жизни только непосредственнаго наслаждения и находит его в вине? Конечно, источник радости ученаго дает более интенсивныя и продолжительныя, наслаждения, но в этом вся разница! Оба они, и ученый, и пьяница, преследуют одну и ту же эгоистическую цель—личное удовлетворение.

Но вы не желаете этого эгоистическаго счастья. Занимаясь наукой, вы хотите приносить пользу всему человечеству; эта мысль будет руководить всеми вашими научными изысканиями...

Красивая иллюзия! Кто из нас не лелеял ее, отдаваясь впервые изучению науки!

Но если на самом деле вы заботитесь о человечестве, если счастье его—цель ваших научных работ, то перед вами не может не предстать следующее ужасное возражение: наука в современном обществе является исключительно предметом роскоши. Недоступная большей части человечества, она исключительно служит для услаждения жизни небольшого числа избранных.

Посмотрите, вот уже более века, как наука установила здравыя космологическия начала, а каково число тех, которые их постигли и выработали в себе критическое, научное отношение к окружающему. Едва оно достигает нескольких тысяч, теряющихся среди сотен миллионов, которые затемняют свой разум предразсудками и суевериями, достойными дикарей, и служат игрушкой в руках духовенства.

Посмотрите, сколько сделала наука для выработки рациональных основ физической и нравственной гигиены. Она учит нас, как устроить жизнь, чтоб сохранить здоровье, как поддерживать в хорошем состоянии людския сообщества; она указывает нам путь умственному и нравственному благосостоянию. И вся эта огромная научная работа остается мертвой буквой, не выходит из кабинета ученаго. А почему? Потому что наука существует сейчас только для привилегированных, потому что социальное неравенство, разделяющее людей на капиталистов и наемщиков, обращает все научныя указания относительно улучшения условий жизни в издевательство над девятью десятыми человечества.

Я бы мог вам привести еще много примеров в подтверждение моей мысли, но вы сами найдете их: выйдете только из кабинета Фауста, уставленнаго книгами, с запыленными окнами, не пропускающими дневного света, и посмотрите на все то, что делается вокруг вас.

В наше время дело идет не о накоплении истин и научных открытий. Нам следует распространить и вложить в жизнь истины, добытыя уже наукой, сделать их всеобщим достоянием. Мы должны стремиться к тому, чтоб все человечество стало способным их воспринять, чтоб наука стала основой жизни, вместо того, чтоб быть предметом роскоши. Этого требует справедливость.

Даже больше: это в интересах самой науки. Наука только тогда прогрессирует, когда новыя истины попадают в среду, способную их воспринять. Теория механическаго происхождения тепла, изложена в прошлом веке почти в тех же выражениях, как у Гирна и Клаузиуса, оставалась восемьдесят лет зарытой в академических мемуарах, потому что познания по физике не были достаточно распространены, чтоб создать среду, способную ее воспринять. Нужно было три поколения, чтоб теория Эразма Дарвина об изменяемости видов была принята из уст его внука и признана учеными академиками, не без некотораго давления со стороны общества. Ученый так же как поэт и артист, является продуктом той среды, в которой он вращается.

———

Если вы проникнетесь всеми этими мыслями, вы поймете, что прежде всего должен быть произведен полный переворот во всем современном строе, при котором ученые изобилуют научными истинами, между тем как большая часть человечества обречена оставаться тем, чем она была пять, десять веков тому назад; рабами и машинами, неспособными приобщиться к истинам, добытым наукой. В тот день, когда вы проникнетесь этой широкой, гуманной и глубоко-научной идеей, у вас пропадет желание заниматься чистой наукой. Вы всеми силами будете стремиться найти способ, чтоб изменить все существующее, и если безпристрастие, сопровождающее, ваши научныя изыскания, не покинет вас, вы перейдете на сторону социализма. Вы отделаетесь от разных софизмов и станете в наши ряды. Вы скажете: „довольно работать на услаждение жизни тех, которым и так хорошо живется; посвятим свои знания, способности и силы на освобождение угнетенных!“ И будьте уверены, что тогда сознание исполненнаго долга и гармония между вашими чувствами и поступками пробудит в вас силы, о существовании которых вы и не подозреваете. В тот день, когда совершится переворот, наука, черпая безконечныя силы в свободном коллективном труде целой армии работников, совершит грандиозный полет, в сравнении с которым настоящие ея успехи покажутся ученическими упражнениями. День этот не далек, как бы не гневались ваши учителя.

Тогда наслаждайтесь наукой! Это наслаждение будет доступно всему человечеству!

Беллетристика.

Сон под первое мая.

(Продолжение.)

„Мы—сила, Даша! Помнишь, как намедни струхнул директор, как мы ему требование препроводили, да стачкой угрожать стали? Небос,—и голос переменил, и ласковый стал... Только уймитесь братцы!.. Правда, требовать еще мы не умели, силы не наросло в нас.. А! сердишься, Даша? Ведь, кто из нас просветился, да свое положение сознал, тот уже не вернется к темной жизни. Нет! Что ни день, то все новыя мысли да планы в голову лезут. А тоска то, тоска то какая забирает, как, что не удается, или идет плохо! Так бы и летел на крыльях, точно что поднимает тебя, и страху нет никакого ни перед чем. Только бы знать, что делать да как! А от нас свет загораживают, каждую книжку про нашу жизнь тайком, как вор или преступник, читай! Поневоле злость разберет нашего брата, отчаянным сделаешься, на всякия средства готов будешь!. На стену полезешь, врага начнешь искать где он, вот что!..“ злобно говорил Федор. В это время они подошли к полянке, посреди которой лежал огромный камень.

—„Синий камень“,—как звали его жители поселка. Федор внимательно осматривал поляну и что-то соображал.—„Чего ты смотришь? Полянка хорошая удобная“, тихо засмеялся Федор. Полянка что-то напомнила ему, и он заторопился. „Вот что, Даша, ты уж не сердись сегодня. Очень мне нужно потолковать с товарищами... Двинемся-ка к дому!“ Даша неохотно пошла за ним. Ея непривыкшая думать голова не могла переварить слов мужа, но не могла и отвязаться от них: их новизна и горячий тон Федора заставляли ее невольно перебирать их в уме. Из поселка уже неслис голоса рабочих и полупьяное пение из трактира. Федор направился к одной из групп рабочих, стоявших около полисадника и о чем то горячо беседовавших.

„Ну, что—как дела?“ быстро спросил Федор. Это были его товарищи,—участники классовой борьбы и тайнаго союза рабочих этого завода. „Славно!“ радостно сообщили рабочие. „Праздник завтра знатный устроим. И речи есть, да и послушать их есть кому. Человек 800 наберется завтра“, хвастливо заявил один из них. „Место надо только облюбовать!“—„Нашел—нашел уже место“, перебил Федор. У „Синяго камня“ чудесно! И речь говорить с камня то хорошо. Вроде как кафедра будет у нас.—Да, это не то, что в прошлом году: на майский праздник 40 человек пришли! Знатно мы выросли за год-то, рукой не достанешь! Рабочие начали обсуждать мелочи устройства праздника; на всех лицах было возбуждение: завтра они будут праздновать свой рабочий праздник,—праздник труда, праздник надежды... В это время к их группе подходил рабочий, совершенно не похожий по виду на всех остальных. Он был в крахмальной сорочке и галстухе, довольно полный, с выразительным умным лицом. Это был бельгийский рабочий, уже немолодой человек. В Коврине строился электрический трамвай, и завод пригласил умелых бельгийских рабочих устраивать его. Один из них,—Арц,—который теперь подошел к ним. Он еще в Бельгии выучился русскому языку и был старшим мастером в работах по сооружению трамвая. Рабочие любили его за его живой веселый характер, любили слушать его разсказы о Бельгии и ея рабочих. „Братцы! надо Артца с товарищами позвать на праздник... Непременно. Пусть посмотрят „бельгиши“ на нас; мы тоже в грязь лицом не ударим!“ „Непременно! непременно!“ послышалось кругом. „Бунжур, камарады!“ весело приветствовал их Артц. „Пива желаете?“ Алон, за компанию!—„Вот что «алон» сострили рабочие: у нас до тебя дело есть“. Завтра ведь праздник у нас. Знаю, знаю! Завтра в моей стране большой великий праздник!“ Грустно сказал он, сожалея, вероятно, о том, что он здесь, вдали от родных мест.

„Первый раз я встречаю первое мая не у себя,—да,—первый раз!.. Ну вот и будем встречать вместе; небось, не соскучишься с вами этот год, удачно праздновать будем“.—„Большая манифестация будет?“ осведомился Арц Рабочие переглянулись. Им не приходилось и читать и слышать от интеллигентов о праздновании 1-го мая заграницей, слышали они и о манифестациях. Не знали они только, как назвать свое празднество, не знали подходит ли к нему это название? „Манифестация“, говорю, „будет?“, повторил бельгиец, не понимая, почему молчат рабочие. „Да, да манифестация, да еще какая!“ „Куда ходить будете? Куда ходить?“ „Никуда не пойдем, а праздновать будем! Ну, просто праздновать!“ „Где праздновать?“ недоумевал Атрц. „Ах, ты безтолковый! Ну в лесу праздновать будем. Видишь лес-то сзади?—Там и будем с факелами, знатно!

Тут только бельгиец, повидимому, сообразил, в чем дело, и так искренно, так неудержимо расхохотался, что рабочие оцепенели—„ха-ха-ха!“ заливался он. „Ой, умираю! Ха-ха!ха! ха-ха-ха!“ Он держался за живот и готов был кататься по земле от душившаго его смеха. Рабочие продолжали стоять, как столбы, потом злое выражение появилось на их лицах. „Чего катаешься заморская фигура!“ Злобно заговорил, наконец, рябой товарищ Федора. „Чего потешнаго нашел?“ —„Ой! уморили“... последний раз проговорил бельгиец, утирая выступившия на глазах слезы. „Ну!“ угрожающе обступали его рабочие. „Постойте! Постоять-то мы и без тебя сумеем!—говори безтолочь! Над чем зубы скалишь?“ наступал рябой. „Говори, говори штоль! Не таких нашел, чтобы заграничные свои насмешки пускать в нас!“ „Ишь ты, фигура!“ слышалось кругом. Видя угрожающия позы рабочих, бельгиец перестал смеяться, и теперь лицо его выражало напряженную работу мысли. „Не так, не так! прячемся мы в лес не потихоньку, мы празднуем первое мая! Тогда этот праздник пропадает.

Мы празднуем его открыто для того, чтобы показать буржуазии свою силу, мощь своей армии. В день перваго мая пропадает обаяние весны для буржуазных классов. Армия рабочих десятками тысяч проходящих по улицам заставляют содрогнуться всех угнетателей, всех врагов трудового люда. Мы празднуем каждый год наш праздник для того, чтобы показать своих бойцов, готовых защищать свои права на жизнь до тех пор, пока весеннее солнце не засияет для всех одинаково, пока оно не осветит мрачных рудников и копей, где сотнями гибнут наши товарищи, пока его свет не уничтожит неправды, царящей в современном обществе, неправды, водворившей в человечестве нищету, голод, позор наших дочерей... Эти бойцы несут знамена рабочаго класса; на их лицах буржуазия читает смертный приговор своему господству. Наши товарищи идут гордо и спокойно; ни полиция, никто другой не могут помешать им праздновать великий день открыто: это наше право, его завоевали мы борьбой! Рабочие слушали вдохновенную речь бельгийца, и тоска росла у них в душе. Так радостно готовились они к празднику в лесу и вдруг этот чужой человек говорит им: „Это не то, что такой праздник! пустяки, что чаща густого леса плохое украшение великаго праздника труда. А жандармы? А тюрьмы? А ссылки? очнулись рабочие. Ты про это знаешь? Ты знаешь? сурово и печально спрашивали они его. „Знаю, знаю! Я знаю, что с вами обращаются, как с бродягами, мошенниками и преступниками. Но я знаю, что так долго жить нельзя. И у нас было время, когда нас не считали за людей, когда машины, скот, и мы считались равными. Но мы боролись и достигли. Борьба была трудна, но жажда жизни, желанье стать людьми, а в человеке сила! Теперь в моей стране родится новый строй; борьба еще длинна, конец не близок! Но загорается уже заря той новой жизни, в которой люди братья“... Было тихо... Гордый чужестранец смотрел вперед, и в этом взгляде было столько веры в ту жизнь, которая придет. Разскажи как вы боролись, да все разскажи, ничего не утаивай. „Ничего!“ просили его рабочие. „Ну, хорошо Пойдем в трактир!“ Рабочие медленно, точно лунатики, двинулись в трактир и, усевшись там в укромный уголок начали беседу. Тихо, тихо лилась речь бельгийца.

С напряженным вниманием не проронив ни слова, слушали его рабочие. И бодрость снова овладела ими; они как то яснее поняли свое

Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

положение и свои задачи; удрученное чувство, вызванное смехом бельгийца, сменилось сознанием необходимости упорной борьбы, необходимости завоевания прав всякими путями и всякими средствами. Вереницей проходили перед ними образы товарищей бельгийцев, отвоевавших себе право за правом; доброе чувство росло, энергия крепла.

(Продолжение следует).

М. И.

Среди шахтеров

(Разсказ.)

В каждой человеческой душе наверное найдется хоть одно воспоминание о чем-нибудь таком, что положило неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь. Есть и у меня такое воспоминание. Его-то я и хочу разсказать.

...Это было много лет тому назад. Я только что окончил университет и решил отправиться в какое-нибудь далекое путешествие. Кстати, один мой товарищ, южанин, пригласил меня погостить у него два летних месяца. Я воспользовался удобным случаем постранствовать по глухим градам и весям российскаго отчества, побродить „среди народа" и посетить те края, где тогда уже возникло новое, еще небывалое в России, подземное промышленное царство, каменноугольных рудников и железоделательных и других заводов.

Как сейчас помню: я сижу в душном вагоне 3-го класса Д—ской железной дороги, сам друг с наиболее необходимыми дорожными вещами: непромокаемым плащем, пледом, зонтиком и небольшой сумкой для белья и для провизии. Гудят и грохочут подо мной колеса вагона. Петербург остался очень далеко позади. Отодвинулась в даль и Москва. Направо и налево от железной дороги уже второй день растилается широкая, необ'ятная степь, волнистая, горячая, пыльная и сплошь покрытая желто-бурой высохшей травой. В моем вагоне почти нет пассажиров, кроме каких-то двух приказчиков, которые храпят, растянувшись на жестких и грязных скамейках.

Я стою у открытаго окна, глядя на утомительно однообразную картину. Устают глаза, устает душа, созерцая все одно и то же. Поезд уже подошел к границе промышленнаго царства. Но никаких его признаков все еще нет и нет. Наступил вечер, когда мы под'езжали к М-ской станице. Солнце зашло, темнота надвинулась очень быстро. Только звезды горели в небе, словно серебряная пыль, мерцая и искрясь в необ'ятной вышине, и освещая черную степь каким-то таинственным сиянием.

Поезд летел да летел, прорезывая своею грудью окружающую тьму. Громыхали внизу колеса, мерцали и дрожали, мигая желтым, неверным пламенем, свечные огарки в вагонных фонарях. Не было видно луны; темная, глубокая южная ночь глядела прямо на меня в окно вагона. Вдруг прямо из этой темной глубины, неизвестно—на небе или на земле, сверкнули два огромных, красных, огненных глаза. Сверкнули — и пропали за холмами. Через минуту снова показались и сверкнули опять. Исчезли—и появились, и установились через окна вагона прямо на меня. Это было какое-то особенное зрелище,—эти красные, огромные огни в неведомой черной дали, на фоне звезднаго, безоблачнаго, неба. От них-то временами играло на небе зарево. Страшные, неподвижные, они иногда вдруг вспыхивали; то над тем, то над другим глазом поднимался словно огненный столб,—дым или или пар, и в нем играло ярко-красное зарево. Потом вдруг огни становились меньше, а затем снова вспыхивали и, наконец, застывали, сверкая ровным, спокойным, неподвижным, грозным блеском.

Там, вдали, в этой темноте, горела—кипела жизнь. Она кипела, несмотря на глухую окружающую ночь, несмотря, на пустынную, словно безграничную степь. Эти огни говорили о жизни; есть огни, значит и люди есть, и они живут и работают и день и ночь. Поезд гудел и громыхал, словно описывая огромный круг около огней. Они не исчезли. Они казались все ближе и ближе.

Я прижался горячим лбом к холодному окну и не мог отвести взоров от этих страшных огненных глаз; словно какое-то чудовище лежало на этой черной степи, положив на вытянутыя лапы свою голову со сверкающими красными глазами; словно оно стерегло кого-то, словно оно кому-то грозило. Я смотрел на него, а оно на меня.

Было и красиво, и жутко. А поезд летел да летел, громыхая колесами. И я радовался, что поезд несется и мчит меня мимо этого чудовища, как бы убегая от него.

— Это что же такое будет?—спросил я моего соседа, указывая на красные огни.

— Угаровский завод, — отвечал тот.—Доменныя печи... Бельгийскаго анонимнаго общества.

Скоро Угаровский завод со своими домнами потонул во мраке ночи. Но не прошло и двадцати минут, как вдали засверкали снова красные глаза... один, другой, третий, —четыре глаза рядом. Красные огни появлялись здесь и там. Около них играло белоголубое сияние электрических фонарей. Красные огни доменных печей красиво рисовались на фоне этого голубоватаго сияния. Кое-где мелькали черныя очертания каких-то зданий, высоких кирпичных и железных труб. Они выбрасывали густыя облака то белаго, то чернаго дыма, освещенного тем же голубоватым электрическим сиянием.

— Гурьевский завод,—сказал мой сосед.—Машиноделательный, сталелитейный. А вот там, вдали, видите красные огни? Это—Микулинские рудники. А за ними, видите, это—заводы Шоу. А влево от них бельгийцы. Там их коксовыя печи. Вон как оне пышут красным пламенем.

Я уже не мог оторваться от окна. И направо, и налево от железной дороги горели синие, красные, желтые огни. Электрические фонари казались бледным лунным сиянием. Между ними чернела мрачная, неподвижная степь. А тут же, рядом, та же самая степь жила, дышала, горела этими разноцветными огнями. Какое это было чудное зрелище! Где же та тишина, та духота, которыя и давили, и душили человека днем? Над черной степью висело звездное глубокое небо, а поезд громыхал да громыхал подо мной, стремясь куда-то в темную даль.

В два часа ночи я вылез из вагона на М-ском полустанке. Гостиницы по близости не было. Я закутался в свой плед, подложил под голову на скамейку непромокаемый плащ и решил терпеливо ожидать разсвета, чтобы рано утром пуститься в далекий путь.

Мне просто-напросто хотелось прогуляться по степи пешком, „от станции до станции", денек или два. Это ли не наслаждение бродить по степи? А она разстилалась предо мной, широкая, безграничная, волнистая.

⁂

Степь и небо, небо и степь. Вот уже пять часов я шагаю по серой степной дороге, пыльной, широкой, еще несущей на себе следы давно минувших проливных дождей. Кое-где видны глубокия колеи, проложенныя тяжеловесными, громоздкими телегами немцев-колонистов и неуклюжими колесницами чумаков-хохлов; кое где еще видны застывшие, спекшиеся следы непролазной грязи, через которую кому-нибудь да приходилось пробираться чуть не вплавь. Дорога тянется извилистою лентой с холма на холм. Направо и налево—поля, начисто скошенныя, выстриженныя машиной, гладко словно ножницами.

Куда ни взгляни, всюду степь сливается с небом, а в этой самой серо-бурой степи, здесь и там, на холмах, меж холмами, наконец, показались шахты или, точнее говоря, надшахтенныя здания. Я никогда еще не встречал таких странных и неуклюжих сооружений. Не то сараи, не то какие-то заводы, грязные, черные, закоптелые, с высокими железными трубами около них. На крышах этих сараев—так называемыя копры, попросту сказать—открытыя или закрытыя вышки, а в них по два больших колеса, сидящих рядом на одном общем валу. От времени до времени колеса вдруг начинают быстро вертеться, а из высокой железной трубы вылетают густые, черные клубы дыма. Издали слышно, как пыхает паровая машина, выбрасывая через правильные промежутки времени белый пар. Колеса на вышке вертятся все быстрее. Дым из железной трубы высоким столбом поднимается к небу. Шахта работает, шахта живет. Но вдруг она словно замирает. Колеса на вышке больше не вертятся. Пар из машины растаял в воздухе. Вышка замерла. Издали мне казалось, что вместе с нею замирало все вокруг и что останавливалась сама жизнь.

Но проходило еще несколько мгновений—и шахта снова оживала, и снова уже пыхала паровая машина. Я внимательно присматривался к необычному зрелищу и изо всех сил старался разсмотреть, отыскать вокруг себя людей, прежде всего людей; где же были они, люди, те самые рабочие люди, которые творят жизнь и на земле, и под землей? Но их-то нигде и не было видно. Были здания, были и машины, была и работа этих машин, а людей всетаки нигде не было. Работа кипела. Сила человеческая управляла всей этой работой из какой-то неведомой и невидимой глубины. Степь да небо, небо да степь, а здесь и там на холмах все шахты и шахты. Их трубы, их вышки (копры) на две, на три версты одна от другой, резко выделялись на синеве неба. Шахты были разнаго вида, разной величины,—большия, малыя, одноэтажныя, двух'этажныя, иныя с высокими и стройными каменными трубами, а иныя с неуклюжими железными. Около некоторых шахт я видел огромныя кучи серо-белой гари, а рядом—черныя груды каменнаго угля. К некоторым шахтам были проложены рельсы. Паровозы, свистя и гудя, тянули за собой целые поезда с углем. Тут же рядом лошади катили по рельсам вереницы вагончиков.

Ветер доносил до меня запах горящаго каменнаго угля... А там, вдали, показывались все новыя, шахты,—одна.. другая... третья... восьмая...

Я насчитал восемь шахт. Я напряженно наблюдал, как вертятся их колеса, я словно поджидал, что вот-вот в этой вышке сейчас колесо завертится, а в той еще не сейчас. Лошади, паровозы, шахты, —это ли не промышленная жизнь? А, на самом деле, все это были лишь внешние признаки, надземные значки еще более напряженной жизни, которая в это время шла подо мной, в недрах этой самой земли, на которой я сидел.

Настоящая жизнь ведь именно там, на глубине,—сверху ея не видно. А, может быть, ее слышно? Повинуясь какому-то безсознательному влечению, я лег на землю, приложил ухо к земле и прислушался, и замер в этом положении. Неужели я не услышу удар в кайлы о породу в глубине? Неужели не донесется до меня грохот взрывов, которые ломают и крушат недра земли? Ничего не было слышно. В земле, под землей, казалось, стоит мертвая тишина, тишина могилы. А в этой самой могиле, наверное, ведь жизнь всетаки идет, всетаки кипит, а я, „господин", сижу себе и благодушествую над нею, наслаждаясь и солнцем, и светом, и теплом и чистым воздухом степи, и вкусным бутербродом, предусмотрительно заготовленным накануне. А долетают ли до тех, до подземных жизней, мои шаги? Ни шаги, ни думы, разумеется не долетают. Те черномазые, истомленные люди, надо полагать, и не знают, что над ними кто-то здесь сидит и благодушествует. То есть, точнее говоря, обо мне, именно обо мне, они не знают. А что над ними, на их голове, на их темени, и заводы, и шахты и машины, и паровозы, конторы, хоромы инженеров, директоров, хозяев,—этого ли им не знать? Все, что есть на земле, все на них и над ними, только под ними нет никого и—ничего...

Я встал и пошел дальше. Я чутко прислушивался к своим шагам. Я старался идти возможно тише, словно опасаясь, что кто-то под землею услышит мои праздные, никому ненужные шаги.

А солнце спускалось медленно-медленно. Вечер приближался...

⁂

Недалеко от старой заброшенной шахты, на вершине холма, стояли домики с полисадниками, одноэтажные, уютные, весело поглядывая своими большими окнами на свет Божий. Между домиками зеленели небольшие садики. Разстояние от одного домика до другого было довольно большое; видно, что землей здесь не стеснялись и строились на просторе. На одном домике я увидел надпись „Больница", на другом —„Лавка надюковскаго общества потребителей". Мое внимание привлекла к себе больше всего больница. Я подошел ближе. У больничнаго крыльца толпились какие-то люди в грязных и рваных одеждах; у одного лоб был повязан грязной окровавленной тряпицей, у другого была на перевязи рука. На крыльце сидела пожилая женщина, держась обеими руками за голову; в открытыя окна больницы я видел высокаго, широкоплечаго доктора с черной бородой и в золотых очках, в белом балахоне с засученными рукавами. Он суетился и исчезал, и появлялся снова. Около него высокая, стройная девушка, гладко причесанная, „с миловидным лицом", проделывала какое-то „лечение" над рабочим, сидевшим перед ней на стуле. Не здесь ли, около больницы, мне и отдохнуть? Я уже думал расположиться около одного палисадника, как в это время увидел еще один грудничный уголок, который тотчас же привлек мое внимание и симпатию. Шагах в двухстах от больницы я увидел ограду, простую деревянную загородку, сооруженную словно на скорую руку. В землю были вбиты небольшие столбики, к ним были приколочены гвоздями горизонтально деревянныя планки. Такою оградой было обнесено довольно большое пространство земли,—сажень двадцать пять в длину, да столько же в ширину. Внутри ограды я увидел черный крест, деревянный черный крест. Он резко выделялся на розоватом фоне гаснувшаго вечерняго неба. „Кладбище,—подумал я,—рудничное кладбище". Я направил свои шаги к ограде.

Солнце уже спускалось. На западной стороне неба появились красно-розовыя, а над ними зелено-голубыя полосы. Единственная тучка, парившая на безоблачном небе, словно горела розовым огнем. Дома, деревья, столбы бросали длинныя тени. Полуденный жар немного спал, но воздух был еще раскален и душен. И степь, и белые стены домиков—все вокруг окрасилось нежными желтыми тонами. Тихим, вечерним настроением веяло со всех сторон. В нем было что-то своеобразное, стихийное, не человеческое. И шахты, и паровозы, и люди,—все образы, только лишь виденные мной, тонули, отодвигались на второй план. Картина степной, вечерней природы захватывала душу и наполняла ее своим собственным, особым настроением, и в волнах этого настроения все только что виденное и пережитое казалось каким-то мелким, ничтожным, неважным в сравнении с безграничным простором окружающей степи и необ'ятной безконечностью гаснувшаго неба.

(Продложение следует).

Гильотина.

Итак, он к смерти присужден...
И может быть тогда, когда я
Лежал, газету пробегая,
На эшафот тащился он,
Где на него без сострадания
Опущен был рабом рабов
Среди могильнаго молчанья
Топор в четырнадцать пудов...
Преступник... казнь... плоды условий,
Подвластных лишь слепой судьбе...
Но, Боже! Что ж я на себе
Как будто вижу пятна крови?
И от чего, мой сон гоня,
Меня преследует казненный
И лик его окровавленный
Глядит с укором на меня?—
За что?

К...

„Поминки"

Да, трудное время настало для „свободного печатного безобразия" „Голоса Труда—Голоса Рабочаго—Нашего Подголосочка".

Я смотрю на два Голоса, как на затравленного человека, который, напакостив настолько сильно, что ему приходится уходить от преследования и которому это не удается.

Возьмем „первый Голос" и посмотрим: чей это был голос? был ли это Голос *Труда* или Голос *Наживы* и темных дел, которые хорошо оплачивались, и который на всей длине, своего „тернистого" пути, успел добиться своего, а именно: противиться всеми силами самоосвобождению народа, которое одно только может каждому указать его место. Первый Голос в этом отношении поработал на славу; он создал то, что мы переживали в Благовещенске в февральские дни; для перваго Голоса и тех, кто был душею его, важно было вызвать февральские дни с тем, чтобы половить рыбку в мутной воде, и они ее поймали: *денежки Труда попали и, братеки обнявшись, убежали в Сахалян.*

Каждому из нас известно, какое развращающее влияние вносят в человеческую жизнь деньги:—нет у меня их—я могу думать и делать справедливо, а попадись они мне—прощай справедливость!.

На этом основании развратилась душа голоса—Никифорова; не желая делиться со многими, убежал он в Сахалян, и оставил здесь „малых, безприютных детушек", которым и покушать хочется, и „эстетическия" удовольствия, как потребность „души", не чужды им!

А для удовлетворения этих „высших" потребностей, нужны денежки, а так как, кроме Голоса Труда, они ничего не умеют делать,—то и решили они продолжать работу Голоса перваго. Поработали „безприютные головушки", но не долго: заткнул глотку голоса—крестьянский С'езд.

Опять остались „безприютные"—: некуда им итти!—Жалко было замарать им холеные ручки, свои—в работе на пользу рабочих; решили они возвысить голос № 2—„Голос Рабочаго".

Уродился голос—второй, каким-то неудачным:—не хватало в организме немного,—не хватало у создателей его терпения потрудиться над устройством ума—этому скоропостижно скончавшемуся Голосу. И пропал этот „дурачек", едва увидев свет. Справили по этому покойничку тысячерублевые похороны и пожелали ему: „осиновый кол в спину!"

Завопили „безприютные" во весь „Наш Подголосочек": „а и не куды нам деваться, а и не во что одеваться; в Сахалян итти—не поделятся—в Благовещенске жить—горе мыкать".

„Закручинились, повесили головушки,—задумались крепко, как бы деньги добыть, и надумали:—как бы больше собрать нам денежек, с дурака,—с подписчика!—И собрали мы малу толику:—попируем теперь да понежимся. А и знали мы, что придет мадам, мадам Степанова, а и скажет „им": дайте мне вы, вы газетушку, за те денежки, что *дала я вам, числа двадцатаго.* А и пусть ей дадут Коммуниста—свою газетину. А и будем мы, мы смеяться!"....

„Посидели, позадумавшись, как рабочих надуть мы надумали—скажем рабочим свое горюшко,—скажем им, кто повинен в нем.

А повинен в нем, Агибалов—той разбойничек—атаманушка революционной бандушки, Астрахановской, что деревяюшки; а повинен в нем Преображенский—он купец —буржуй, обвернет он вас вокруг пальчика; а повинен в нем сам друг—Пугинов, а повинен в нем Ямщиков—со жандармами, со советцами.

А и попались мы ко разбойничкам, к коллективу ко печатничкам, а и грабят нас на 500 рублев: где же бедным нам взять эти денежки? Ведь буржуи ушли за Амур реку".

„А сказать про то, знать разсердятся, а свернем разбой мы на советчиков: не поймут дураки нашей ругани, напечатают нам, „Голосочек Наш". (См. № 2 „Наш Голос" —передовица).

„А и бедные—мы черны вороны, —не дождаться нам того времячка, как Свободушка станет падалью, не дождаться нам сытной тризнушки!

А пока будем ждать,—будем каркати!!"

Григорий Бортев.

Хроника.

— **Общим** Собранием профессионального союза домашней прислуги 21 го апреля выбрано правление союза: председателем Степан Михайлович Голобов; казначея решено нанять через биржу труда; казначеем на жалованье—Алексей Павлович Лохичев. Союз протестует против отделения от него в самостоятельный союз Всеведомлада о чем доводят до сведения комиссара труда.

— **С'ездом** судоходцев выработаны новые штаты пароходских команд. Согласно этим новым штатам служащие будут нести службу с расчетом по 8 час. в сутки в то время как раньше им приходилось служить по 12 ч.

— **В воскресенье** 15/28 апреля в 4 часа собрание Родительскаго комитета Пушкинскаго училища.

— **В воскресенье** 28 (15) апреля с 9 час. утра в Народном доме состоится общее собрание архитектурно строительнаго союза. На повестке дня весьма важные вопросы: Просят всех членов явиться и не опаздывать: Через 1 час Собрание будет открыто при всяком количестве явившихся членов, а так же просят т. членов у кого имеется на руках оружие и не пред'явлено в правление пред'явить таковое, указать название его и № и имеет ли удостоверение на право ношения его. Правление.

— **Правление** союза „Всеведомлада" покорнейшее просит пожаловать всех членов союза на общее собрание, имеющее быть в здании Реальнаго училища в воскресение 28 го апреля по новому стилю, в четыре часа дня. Вопросы очень важные, желательно присутствие всех членов. Просьба не опаздывать к означенному времени.

— **Опровержение** Комиссара юстиции Амурской области. Многие из граждан гор. Благовещенска распространяют слухи, что комиссар продовольствия Ф. Сюткин 25 апреля с/г. арестован на одной из станций Амурской ж. д., с крупной суммой денег и под конвоем препровожден в Благовещенскую Областную тюрьму.

Для проверки этого слуха, мною командированы на ст. Гондатти два члена юридической секции, Малышеви Беклемишев, которые ныне возвратились и утверждают, что комиссар Ф. Сюткин арестован не был и он выехал по делам службы в Москву. Ясно, что против комиссара продовольствия Ф. Сюткина выпущен провокационный слух, за который, лица распространявшие, подлежат Революционному Народному Суду, как за провокацию против Советстой власти.

Комиссар юстиции (*подпись*).

— **В воскресенье** 28 апр. состоится экстренное собрание всех членов союза Кавказских Народностей —ввиду получения экстренных бумаг от президиума об'едино-грузинско армянскаго Совета г. Иркутска. Просьба явиться всем членам в 10 ч. утра. Правление.

— **Правление** Союза Инвалидов раненых и больных воинов Амурской об. убедительно просит товарищей собраться на экстренное общее собрание при Правлении Союза 28 сего апреля новаго стиля к 2 м часам дня по вопросу, о делегировании в Петроград 2-х представителей на всероссийский с'езд. Товарищам инвалидам, раненым и больным предлагается явиться на это собрание, оставить все обыденныя нужды, так-как вопрос серьезен и сложен.

— **Утерян** Надзирателем областной тюрьмы Коробейниковым во время проезда на извозчике револьвер системы „Ноган" № 12749.

— **24 апреля** гр. Василиса Никитина утеряла свою продовольственную книжку на 2 х лиц.

— Этого же числа гр. Пелагея Сапунцова заявила, что она шесть дней тому назад утеряла свою продовольственную книжку на 4 лица, № коей она не знает.

— К гр. Сунилиной приблудился 21 апреля гусь пестраго цв. на ноге привязана красная ленточка.

— Утеряны гр. Фадуной продовольственныя книжки на тринадцать человек и на пять.

— Ночью на 24 апреля постовыми милиционерами обходивш ими участок, был услышан крик „караул". Прибежав на крик они нашли скопившуюся в большом количестве толпу народа у ворот дома № 50 по Конной ул., Толпа была в возбужденном состоянии и отправлена целиком в 5 уч. охраны г. Благовещенска для опроса. Из толпы некто Писарев Дмитрий был в нетрезвом виде и при нем оказался револьвер сист. „Браунинг" № 418655. Писарев оставлен в участке до вытрезвления. Из допроса Писарев оказался членом 2 й сотни красной армии.

— На уг. Техническ. и Кузнечной в доме № 13/57 гр. Демидиным была утеряна домовая книга выданная на имя Зиновия Морозова. Просят считать недействительной.

— На Благовещенской ул. гр. Ефимом Цыба опознано случайно похищенное у него. Пальто, на гр. Гордее Винокуровом пальто куплено по показанию последняго на барохолке в марте месяце с/г. у неизвестнаго человека за 24 руб.

— На уг. Садовой и Амурской ул. задержан китаец Лю-фа чин за кражу двух брусков мыла, из китайской лавочки.

— На Мастерской ул. задержан в пьяном виде гражданин Гричухин.

На городском кладбище обнаружен труп повесившагося на дереве китайца Мин-дин.

— На Садовой ул. задержан китаец с 1/4 вед. контрабанднаго спирта.

— На Семинарской между Большой и Зейской задержан за избиение и ограбление гр. Михаила Березина некто Коробков.

— С 3 банками контрабанд. спирта по 1/4 ведра каждая задержан некто Тулин.

— К турецкому под. Маметкул Саркисов, что на Корсаковской ул., 25 апреля в 5 час. вечера вломился в квартиру гр. пом. комис. Кулаков и потребовал у него кассу с деньгами. Видя опасность, находящиеся в квартире женщины выбежали на улицу и стали кричать. Услышав крики Кулаков тоже выбежал из квартиры, сделал несколько выстрелов из револьвера, на выстрелы прибежали солдаты кр. арм. и задержали Кулакова.

— Забурхановский районный совет организует кадр добровольной Красной гвардии. В настоящее время записалось уже 184 человека готовых в любую минуту с оружием в руках выступить на защиту советской власти. Подана просьба в совет о вооружении. Прием и утверждение в ряды красной гвардии производится санкцией общаго собрания граждан упомянутаго района где каждое лицо списка подвергается критике и в случае его сомнительнаго или явно уголовнаго прошлаго вычеркивается из списка.

— Вчера уехала в провинцию для постановки в деревне местными силами крестьян любительских спектаклей арт. Парасковья Дмитриевна Скорева. Это первое серьезное паломничество театра в деревню с воспитательной целью, а вслед за ней поедут в деревню целыя труппы местных театров.

— Правление союза торгово-промышленных, конторских и канцелярских служащих от лица безработных приносит благодарность служащим комиссариата земледелия и инциатору Поплавскому С. И., за внесенные в кассу Союза под квитанцию № 3481—78 руб. 20 коп. для зачисления в фонд безработных.

Телеграммы

Заседание открывается под председательством Троцкаго. Первое доклад Троцкаго, второе касоация дела Мартова, третье работа совет в деревне. Слово для доклада предоставляются Троцкому. Товарищи! переломный характер эпохи, „в какой мы живем, особенно остро отразился на организацию низшую по количеству захваченных ею лиц и материальных средств о высшей степени чуткую по отношению к историческим толчкам, которые составляют самую природу революции. Старое военное министерство после октябрскаго переворота, было формально переименовано наркомом по военным делам. Последний фактически опирался на тот военный организм, какой был получен из рук предшествовавшей эпохи. Армия, проведшая три года в окопах, получила уже раньше в боях при царизме затем при внутренней противоречивости несостоятельности революционнаго режима первой эпохи паступлении 18 июня смертельный удар, который разлагал ее, должен был это разложение довести до конца. Нарком по военным делам опирался на эту организацию в предвидении неизбежнаго крушения этой организации, создав зародыш новой армии, который должен был в большой или меньшей степени в этот переходный переход отрицать структуру советскаго режима и создал всероссийскую коллегию организаций рабочекрестьянской красной армии.

(Пропуск).

МОСКВА. 23 апр. Новый класс стал у власти, класс, у котораго есть свои тяжелые счеты с прошлым. Это прошлое в лице выше существующей армии завещало как известный капитал, пушки, винтовки, всякие боевые припасы, известный идейный капитал, известную накопленную сумму в познании, боевой опыт, административные навыки, что находится в распоряжении социалистов военнаго дела бывших генералов, бывших полковников старой армии, чего не было рукох новаго революционнаго класса в тот период, когда новый революционный класс боролся за власть. Он механически разрушал сопротивление и был прав постольку, поскольку имеет право на государственную власть. Порицать и отвергат - метод разрушения враждабных организаций, отрицать рабочим классом право на государственную власть. Это класс, который историей призван взять руководство всей государственной и общеэкономической военной жизнью в свои руки. Этот класс, который после того как преодолеет все затруднения и препятствия, воздаст своему народу все то, что он временно отнимает путем удара против классовых врагов, этот класс имеет право на власть право разрушать все, что стоит на его пути.

Это для нас, революционных коммунистов, незыблемая, это только первая половина задачи. Она оправдала политическую работу в разрушении гнезд контр революции. Эта работа будет оправдана, если рабочекрестьянская власть сможет и сумеет привлечь на службу материальныя ценности прошлой эпохи. Пока рабочий и крестьянский классы не выдвинут из своей среды новых полководцев, они должны поставить на службу тех, которые служили старому режиму.

Надо констатировать, что наиболее проницательные элементы из командного состава отдают ясный отчет, что структура армии не может быть составлена по типу единоличному. Часто военную часть мы вверим тому, кто учился военному искусству, они будут нести ответственность за оперативно-технические действия. Политическую организацию армии, мы передадим в руки тех, кто органически связан революционной властью. Политические комиссары имеют строжайшее предписание, не вмешиваться, не отменять, оперативныя распоряжения. Комиссар своей подписью ручается перед солдатскими массами, что приказ продиктован военным смыслом, не контрреволюционным подвохом. Ответственность целиком падает на военнаго руководителя. Этот институт признается для даннаго времени наиболее удачным, это точка зрения самих военных руководителей. До сих пор строили нашу армию, на началах добровольчества для борьбы организованными с империалистическими армиями, нам необходима армия построенная на принципах военнаго искусства при посредстве специалистов, отряды которые состоят из героических рабочих, были с командой импровизированных руководителей, совершали геройские подвиги в борьбе с Калединцами, Корниловцами и Дутовцами, сами убеждаются, что их принципы организации—не состоятелен перед организованной силой построенной на принципах военнаго искусства, это понимает каждый сознательный рабочий, на этом понимании сознательных рабочих, революционных крестьян красноармейцев, мы почерпаем психологическую опору, чтобы приступить к созданию армии, к которой мы привлекаем все, что есть военноспособнаго в среде стараго командного состава. Это те, которые не считают возможным предательски—рука об руку с нами помогают строить армию, которая по нашему мнению отвечает духу и природе советскаго организма.

Чтобы перейти от режима добровольчества, к режиму обязательной воинской повинности, необходимо военноадминистративный аппарат учету наличного состава сил, которыя должны быть подведены под состояние военнообязанных. Такого аппарата у нас в настоящее время нет. Старый аппарат разрушен всеми аппаратами бюрократии, новый создается теперь, в вида волостных, уездных, губернских комиссариатов, которые формируются соответственными советами, включает в состав трех членов коллегии, одного руководителя, двух комиссаров. Они должны держать на учете все население соответственного возраста, распоряжаться силами местнаго назначения для вербовки войск, передавать их в распоряжение советской власти. Декрет в местном управлении проводится в жизнь.

Это есть необходимая предпосылка. Вопрос втом, чтобы не только извлекать специалистов стараго командного корпуса, но немедленно формировать новый командный состав, из элементов которые выходят из классов стоящих у власти рабочих, матросов и солдат имеющих известный минимум подготовки, обнаружили свой боевой темперамент, способность против неприятеля внешней гражданской войны. В военных школах республики, мы имеем около двух тысяч новых командиров, которые будут обладать знанием военной науки. Для перехода к милиционной системы, обязательной военной повинности, необходимо ввести обязательное обучение военному делу, тех очагов, где сосредоточен рабочий класс.

МОСКВА. 23 апр. Предлагаем вашему вниманию сегодня декрет огромнаго принципиальнаго значения обязательности военнаго обучения рабочих крестьян. Армия, которую мы формируем, должна соответствовать природе для советскаго режима, потому что мы живем в условиях окрытой революционной диктатуры рабочаго класса и беднейшаго крестьянства. Мы не живем в условиях режима демократии, которая в период революционных столкновений может сделать перекличку народа и после этого последнее слово будет продиктовано соотношением материальных классовых сил. От этого соотношения будет зависеть, кто возьмет власть: буржуазия или трудящиеся массы. Формальная демократия, если бы она явилась в период революции, могла бы сослужить службу предварительно и после переклички, последнее слово осталось бы материально силой класса. Этого могут не понимать только жалкия доктринеры из мещан.

Тех, кто понимает внутреннюю сущность революции ясно, что это режим, который через какия бы ни были инстанции неизбежно должен в конце концов окончиться диктатурой того или другого класса. У нас дело закончилось диктатурой рабочаго класса и бедноты крестьянской армии, которая должна быть боеспособной, чтобы обеспечить обороноспособность стране не может не отвечать по составу и по идеологии и природе этих классов. Эта армия не может не быть классовой армией. Это я говорю не только с точки зрения социалистической.

(Пропуск).

Декрет устанавливает обязательность для всех граждан всех классов, которые держат в руках власть, платить народу и государству тому режиму, который защищают самой большой платой: „своей кровью и жизнью. Должно утвердить состояние военнообязанных в возрасте восемнадцати до сорока лет. Кто проходит известную школу военнаго искусства, кто признается достаточно здоровым, чтобы отдать девяносто шесть часов в год, тот обязан по призыву советской власти стать под боевыя знамена для отражения внешних врагов. Это основная мысль декрета. „Мы берем рабочих крестьян и подвергаем их военной выучке на ея элементарных основах по общей программе, утвержденной для всей страны народным комиссариатом по военным делам Есть основная мысль декрета.

делам. Есть основная мысль декрета. Если вы ее утвердите, завтра же мы отдадим приказ всей стране, чтобы советы на местах через военные комиссариаты, фабричнозаводские комитеты приступили к этой работе. Вы, как верховный орган республики, авторитетом и организационными связями поддержите нас в этой коллосальной работе. Только таким путем мы сможем растворить в будущем красную армию, как временное образование подлинной рабочекрестьянской армии. Предлагаю на ваше утверждение декрет в порядке замещения должностей рабочекрестьянской армии.

Этот декрет введен уже в жизнь. Сейчас от вас зависит утвердить его вашей законодательной властью, чтобы мы с большей силой могли проводить его в жизнь. Дело сводится к тому, чтобы создать для красной рабочекрестьянской армии командный состав, который подбирался бы, группировался советскими организациями. Это значит, что по отношению к красной армии мы ограничиваем во многих отношениях, сводим на нет выборное начало по отношению к командному персоналу.

Это обещание должен в приближающийся день перваго мая дать каждый солдат революционной армии перед лицом рабочаго класса и революционной части крестьянства России. Мы считаем, что путь чем никакого противоречий, хотя на первый взгляд это кажется парадоксора, что первомайский праздник, который был у вас всегда праздником борьбы и протестом против милитаризма в этом году, для революционной советской республики явится днем, когда рабочий класс должен манифестровать свою волю вооружением обороне и созданию в стране крепкой военной силы, которая отвечала характеру режима, была способна этот режим защищать и сохранять Первомайский праздник в России пройдет в других условиях, чем в остальных странах Европы, где продолжается империалистическая война и власти стоят за империалистические интересы.

В Финляндии.

Адмирал Зеленого телеграфирует 16 апреля, что после обстрела германским флотом, Гельсингфорс занят отрядом белой гвардии, поддержанным германской пехотой. Обстрел причинял значительные повреждения. Отношения белогвардейцев к русским враждебное, немцы держатся корректно, требуют передачи охраны укреплений и складов в свои руки.

Второй с'езд партии левых эсеров.

16 апреля состоялось частное совещание делегатов с'езда, которое выработало проект регламента и следующий порядок работ с'езда: 1) отчет цк., 2) цик. наркомов, 3) текущий момент и очередные за-

(Продолженiе см. на 4-й страницѣ).

Продается ЛОШАДЬ.
Технический пер., д. № 11.
38

Утерян наган

с патронами за № 12749, нашедшаго прошу доставить за вознаграждение. Новая тюрьма, надзирателю И. Коробейникову 41

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Правление Союза торгово-промышленных, конторских и канцелярских служащих, Амурской области, сим доводит до сведения членов Союза, что с 25 апреля сего года открыта столовая для членов Союза.
Члены Союза могут пользоваться в столовой чаем, обедом и ужином.
Желающие торарищи могут записаться месячными столовонками.
Столовая Союза никаких коммерческих целей не преследует, цены будут выставлены особой комиссией, сообразуясь с себестоимостью продуктов и расхода на прислугу при столовой.
ПРАВЛЕНИЕ.

Общее Собрание

членов союза „юных граждан патриотов" назначено в воскресенье, 15 го апреля с. г. (по ст. ст.) в 2 ч. дня в бирже труда, куда и надлежит явиться. Ввиду важности и неотложности вопросов, поставленных на повестку дня собрание будет считаться состоявшимся при всяком числе собравшихся.
ПРАВЛЕНИЕ.

Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

дачи, 4) проведение в жизнь социализации земли и аграрной политики. 5) интернационал и наши международные задачи, 6) политическая программа, 7) выборы ц.к. 8) экономическая политика и дальнейшие меры коллектива и народнаго хозяйства, 9) организационный вопрос, 10) литературно-издательское агитационное дело, 11) боевая организация партии. Среди участников с'езда намечаются два течения, одна часть высказывается за отзыв представителей партии из состава правительства, другая настаивает на необходимость участия в правительственной работе левых эсеров южной части Англии.

Назначение Буриана.

На место Чернина назначен министр финансов барон Стефан Буриан. Выбор барона, так как он пользуется доверием императора и основательно знаком со всеми событиями в связи с переговорами в достижении международных сношений, одобряется. Дела общаго министерства финансов Буриан сохраняет за собой.

Извещение чешско-словацкаго комитета.

Комитет по созыву с'езда чехов и словаков. социалистов—интернационалистов извещает, что согласно просьбы сибирских организаций, ввиду недостатка для подготовки, с'езд чешско словацких социал-демократов—интернациональных организаций в Москве откладывается на 26, 27 и 29 мая.

Пятаго и шестого мая в Москве состоится совещание делегатов социал-демократических организаций московскаго округа.

На нужды горнаго промышленности высвободился постановил открыть кредит в размере 25 миллионов.

Комиссариатом торговли от промышленности разрабатывается проект торговли. Свободной остается лишь купля и продажа на сумму не свыше 5000 рублей. Торговые сношения с иностранными государствами будут производиться лицами, специально уполномоченными. При комиссариате проектируется образовать отдел по внешним заказам, куда будут поступать все данные о количестве и качестве заграничных товаров, необходимых для нужд России.

ЛОНДОНЪ. 19 апр. Большия части фронта около реки Лис сегодня опять были обстреляны, бой между Живанши Ля Бассе каналов Сен Бенан. На реке Лис после бомбанировки, отмеченной в утреннем сообщении последовали неприятельския атаки, которыя были отбиты. Согласно донесениям потери, причиненныя нашей артиллерией пехоте противника чрезвычайно тяжелы. Нашими войсками взято двести пленных. Удар был особенно силен по близости Живанши, где неприятель производил безуспешныя усилия чтобы исправить свои прежния неудачи. Сражение в этом месте не прекратилось, деятельность неприятельской артиллерии продолжается на всем фронте. Позже утром отбиты атаки неприятеля против нашей линии к югу Вемель, сопровождаемыя тяжелым огнем. Артиллерия противника проявила особенную деятельность на фронте к югу от реки Лис между Живанши восточнее станции Робеси. Бамбандировка наших позиций между Локон Ребеси тяжелыми орудиями продолжается. К вечеру на участке Мерис наши войска отбили местныя атаки. Отчеты боев за истекшие сутки подтверждают серьезность неприятельских потерь на фронте реки Лис. К юго востоку от высоты Кеммел, германская пехота атаковала тремя волнами.

МОСКВА. 21 апр. Третье заседание с'езда военнопленных. Собрание приступает к обсуждению заявлений групп выбора в центральный комитет. Товарищ Альтомаш от немецкой группы говорит, что на очереди вопрос о создании большой организаци об'единяющей всех военнопленных разделяющих программу третьяго интернационеза. Параллельно следует создать подготовку способных агитаторов для проведения в массах коммунистических идей. Рабинович от венгерской группы присоединяются к заявлению немецкой группы.

От славянской группы Бонин делает следующее заявление: мы чехи, словаки организуем коммунистическую секцию при московском комитете коммунистической партии, будем работать рука об руку с венгерскими коммунистами. Мы стремимся образовать об'единенную интернациональную федерацию из отдельных национальных секций, эта наша точка зрения в контакте с русской коммунистической партией, программу которой мы разделяем. От имени чехов, словаков, которые делегировали меня на это заседание заявляю следующее: наша цель подготовка социальной революции в западной Европе, учреждение формы правительственных организаций, после победы революционнаго пролетариата в форме советских республик, как диктатуры пролетариата.

Мы чехи, словаки, в национальном вопросе разделяем программу коммунистов, которая признает полное самоопределение. Мы будем бороться против буржуазнаго парламентаризма, также социал-демократов, являющихся сторонниками буржуазной политики. Мы заявляем, мы всеми средствами будем поддерживать организацию военнопленных и примем участие в ея работах.

Постепенно возрастающая запись иностранцев в ряды красной армии вызвала вопрос о сформировании отдельных отрядов, в Москве возник комитет организации интернациональнаго легиона красной армии, выпустивший на днях воззвание на английском, французском, итальянском и русском языках.

— —

Редакторъ Издатель
Редакционный Коллектив газеты: „КОММУНИСТ“.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Продаются

дамския лакированныя туфля. разм: 36 за 35 руб. бывшия в употреблении. Офицерская, 45 меж. Иркутской и Вознесенской.

От Городского Отдела была угната

ЛОШАДЬ

с американкой кобылица гнедой масти. Просим сообщить где окажется в коллектив булочников. Благовещенская, дом № 14 телефон 433.

Утерян

паспорт выданный Томским полиц управлением на имя Олимпиады Семеновны Мериковой. Нашедшаго прошу доставить. Торговая ул., № 56. 40

Продается американка.
Иркутская, 53.

Утерян

паспорт I. Иван. Бенеш, австрийский подданный, считать недействительным и справка за № 2251 выдана 1 участ. г. Благовещенска 1916 г.

ПРОДАЮТСЯ

дойные коровы российской породы. Благовещенская, № 53. 14

Пишущую машину

желаю купить, сист. безвалично открытый шрифт. Мастерская, № 49 во дворе кварт. ПЕТРОВА. 13

ПРОДАЕТСЯ ТЕЛКА

Мастерская, уг. Второй Забурхан. № 108. 6

Продается чугунная пароходская кухня, можно видеть угол Высокой и Кузнечной, дом № 42. 8

При редакции газеты „Коммунист“
Продается старая бумага
(газеты) тридцать руб. пуд.

ПРОДАЕТСЯ

велосипед и грамофон. Вокзал, д. № 10. Кривченко. 5

Календари ежемесячные. ПРОДАЮТСЯ книги киоск Образования. и Буссевская, №4. Цена 1 р. Там же **продаются** 2 отреза на дамския платья синяго и черного цвета. 9

Утерян паспорт выданный Благовещенским Милиционным Управлением Трофиму Павлову. Нашедшаго прошу доставить, 2-я Забурхан. 100. 10

Утерян

револьвер с патронами системы „бульдог“ кал. 320 за №2625, на который имелось разрешение власти. Нашедшаго прошу доставить в Окруж. Народный Суд Ф. П. Плотникову, за вознаграждение. 2

В. Н. СМИРНОВ
(многолѣтняя практика)
к весенним и осенним **экзаменам и переэкзаменовкам готовит и репетирует** в приготов., первый и во всѣ классы всех средн.—учебн. завед. а также на различныя званія. **Вечерние курсы** для **взрослых.** Специальность **математика и языки.** Личные переговоры с 10 до 12 дня и с 3 до 8 веч. Графская, 28. Тел. 555. 4

Требуются портные и сапожники в мастерския военно-революц. штаба, являться в К-рию заведывающаго мастерской. Угол Никольской и Рѣпочнаго п. б. Войсковое Каз. Упр. 11

В дни переворота во время обысков, произведенных у меня в квартире неизвестными лицами, похищены в числе других документов, белые вексельные бланки на сумму 12 тысяч за подписью Калерии Мелетьевны Слизиковой, которые прошу считать недействительными.К. Слизиков. 7

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.
Продается дойная корова, швейная машина. Корсаковская, 51. 1

Редакция газеты „КОММУНИСТ“
принимает заказы и об'явления.

Об'явление

Комиссара по ликвидации уездной милиции. Довожу до сведения граждан Амурской области, во исполнение воли трудового народа, об'являю немедленно ликвидацию всей уездной милиции, за исключением Благовещенскаго милиционнаго управления. Все начальники участков и также милиционеры полагаю считать себя на службе с первого апреля сего года. Лица, почему нибудь не получившие жалованья, обращайтесь в местные совдепы, где и будут удовлетворяться из запасных сумм или особых ассигновок, в виду того, что в городе Благовещенске денег нет по случаю увоза буржуями в Сахалян.

Комиссар по ликвидации уездной милиции **Иван Данкевич.**

Об'явление.

От Финансовой Коллегии.

Всем Коллективам Рабочих и Служащих Национализированных преприятий. Финансовая Коллегия доводит до сведения, что все денежные средства, получаемые от предприятий, должны ежедневно, на другой день, после операций, в нестив Государственный Банк на текущий счет Совдепа Гор. Благовещенска

378 Финансовая Коллегия.

От Комиссара Казначейства

Комиссар Благовещенскаго Казначейства сим напоминает населению гор. Благовещенска и Амурской области о безотлагательном взносе недоимок подходного налога и Государственнаго с городских недвижымых имуществ налога. Заведывающему гор. Финансовой милиции иСоветским Волостным Управлениям, поручается немедленно принять энергичные меры ко взысканию означенных выше налогов с неисправных плательщиков.

376 Комиссар Казначейства **М Тылик.**

Государственный Банк доводит до сведения тех гражданъ у которых при обысках в дни гражданской войны были отобраны золотые и серебрякые вещи:

отобранные золотые и серебряные вещи находятся на хранении в Государственном Банке и будут возвращены по принадлежности. Государственный Банк граждан, желающих получить свои вещи обратно, просит представить подробную опись своих вещей с обозначением факсимиле, особых надписей, знаков и т. п. отличительных примет. Означенную опись предварительно предъявить в юридическую секцию в здании окружного суда. Без разрешения юридической секции вещи не будут выданы. О дне выдачи будет об'явлено особо в „Известиях Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских депутатов“. 600

Комиссар Государственнаго Банка **Курочкин.**

От Эмиссара лесных операций.

Продажа дров Отдела Городского Хозяйства производится по цене: трехчетвертные лиственичные 23 руб. и сосновые 20 р. погонная сажень. Также продаются тес, плахи, горбыли, ронжи, брак и проч. Производится отпуск дров по ордерам. За справками обращаться в контору уг. Набережной и Станичной ул., позади дома Государственнаго банка. 602

Эмиссар лесных операций А. Варсанович.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Комиссариат труда доводит до сведения горные коллективы и горняков Амурской области, что 30 апреля сего года в Благовещенске созывается с'езд представителей от горных коллективов и Союзов Амурской, Приморской и Забайкальской областей. Ввиду важности вопросов в связи с золотопромышленностью, кого это будет касаться, прибыть к означенному времени в Благовещенек, имея и соответствующий материал для доклада.

599 Комиссар Труда **Поспелов.**

Об'явление.

Амурский Областной Земельный Комитет

доводит до сведения лиц, из'явивших желание снять в аренду: 1) Земли принадлежавшие причтам церквей гор. Благовещенска и Будундинским, мужскому и женскому монастырям и 2) казенные оброченые статьи, прилегающие к г. Благовещенску, что разсмотрение прошений и сдача (кроме уч. сенокосных) будет производиться начиная с понедельника 15 апреля 1918 г. по новому стилю, в Земельном Комитете. (Вознесенская площадь, здание бывш. Переселенческаго Управления. 516

Комиссар Земельнаго Комитета Амурск. области В. Патрушев.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Финансовая комиссия

доводит до сведения граждан, что контрольная Комиссия по штемпелеванию облигаций Займа Свободы продолжает штемпелевание облигаций в Государствен. банке с 16|3, апр. по 26|13 апреля. При этом предупреждает, что не заштемпелеванные в етот срок облигации Займа Свободы и Казначейские Серии будут считаться недействительными и из обращения будут из'яты. Просим граждан воспользоваться последним сроком, 601

Финансовая Комиссия.

Об'явление

Довожу до сведения городское население и пригородных огородников, что в городском питомнике на углу Благовещенской и Северной улиц, открыта продажа: тополя, тепличных цветущих и декоративных растений и огородных семян, от 9 час. утра до 2 час. дня и от 4 час. до 7 час. вечера Заведывающий питомником техник садоводства Амурской области А. С. Плахтин. 590

Об'явление.

Союз Трудовых Артелей принимает заказы на заготовку дров и разных лесных материалов. А также приглашает лесоплавов пожаловать в управление союза для переговоров о сплаве леса. Угол Зейской и Буссевской дом Клосс. Правление. 550

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ

БИРЖА ТРУДА

БЕЗПЛАТНО

лицам, ищущим труда, находит работу, даетъ им справки и указывает, где в каких местах, в каком количестве и на какую плату требуются рабочие и служащіе разныя профессій.

БИРЖА СОСТАВЛЯЕТЪ рабочія партіи и артели для строительныхъ и других работ, а также указываются места и работы во всех отраслях промышленности.

Сельско-Хозяйственный отдел при бирже помогает

сельско-хозяйственным рабочим найти работу и оказывает содействие сельским хозяевам в приискании нужных им рабочих.

ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ РАБОТУ или службу при содействии Биржи надо явиться в помещение Биржи и записаться. Ежеднево въ Бирже об'являются все имеющіяся свободныя места и поступившія требования на рабочих; из этих мест лица ищущія труда, могут выбирать наиболее подходящее по указанию Биржи.

ПРИ БИРЖЕ БЕЗПЛАТНО оказывается юридическая помощь всем работающим по найму и ищущим работу через Биржу.

БИРЖА БЕЗПЛАТНО оказывает содействие нанимателям в приискании нужных им рабочих и служащих всех профессій. Наниматели могут заявлять свои требования на рабочих, как лично въ Биржу, так напочте, по телефону и по телеграфу. По получении от нанимателей заявления в Бирже будут немедленно приняты меры к его удовлетворению.

За заведывающаго Биржей Труда ПИСАРЕВ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА БИРЖИ

открыта ежедневно от 9-ти до 3-х часов дня, кроме праздников.

АДРЕС: Угол. Большой и Американскаго переулка, телеф № 608. Телеграфный адрес: Благовещенск Биржа Труда.

Все профессиональные союзы об'единены в Центральном Бюро, находящемся при Бирже Труда. В Центральное Бюро надлежит обращаться всем товарищам рабочим по делам их профессии, так как все дела по труду будут передаваться президиуму Центральн. Бюро всех профессиональных союзов города Благовещенска. 299

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Амурский Облостной Земельный Комитет доводит до сведения всех граждан, подавших заявления и прошения в Земельный Комитет о предоставлении им земли для пахотьбы и сенокоса, что по постановлению 5-го крестьянскаго и казачьего с'езда все земли, находящиеся в пределах волостей поступают в ведение и распоряжение Волостных Земельных Комитетов, и все прошения поданные на эти земли будут разсматриваться и удовлетворяться на местах, т. е. в **Волостных Земельных Комитетах**, куда и должны обращаться заинтересованные лица. Исключение сотовляют только земли причтовые, монастырские и Усть-Зейские оброчные статьи, которые, по постановлению 5-го с'езда находятся в распоряжении Областного Земельнаго Комитета, и все прошения на эти земли будут разсматриваться Областным Земельным Комитетом.

517 Комиссар Земельнаго Комитета: *Патрушев.*

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Комиссара Земледелия 16-го апреля 1918 года.

Комиссар Земледелия Амурской области настоящим доводит до сведения всех граждан Амурской области следующее: посановлением 5-го об'единеннаго С'езда и Крестьян Казаков Амурской области, состоявшагося в городе Благовещенске с 1-го по 10 апреля сего года, со счета Народных Комиссаров Амурской области выделен специальный фонд 600 тысяч рублей для выдачи безпроцентных долгосрочных ссуд крестьянам на обзаведение хозяйств. Пост. Испол. Ком. С. Р., С., К. и К. Д. постановлено: деньги эти распределяются между Волостными Совдепами, которые и выдают ссуду на местах. Прошу всех лиц, подавших прошения о выдаче ссуд в Комиссариат Земледелия, взять таковые в трехдневный срок обратно. Все невзятые, в течение указаннаго срока, прошения будут отосланы в распоряжение Волостных Советов.

Комиссар Земледелия **Патрушев.**

НОВЫЙ КОМИССАР ФИНАНСОВ СОВДЕПА и ЕГО ТОВАРИЩ. Постановлением Областного Совета Р. С. Кр. Депутатов, состоявшимся 13-го апреля с. г. за № 24-и, назначены Комиссаром финансов, гражд. П. І. Лоншаков и его тов. А. И. Шестаков, которым и поручено приступить к работе с 14-го апреля с. г.

Секретарь Финанс. отдела **Удовиченко.**

Об'явление.

Комиссара Охраны Города.

Довожу до сведения всех граждан города Благовещенска, что штемпелевание продовольственных книжек производится рабочим и служащим со всеми членами семейства только в Профессиональных Союзах, всем же остальным гражданам гор. в Союзе Квартиронанимателей и Домовладельцев Большая, быв. Банк Взаимнаго Кредита; а потому убедительно прошу тех граждан, которые не состоят членами Профессион. Союзов не утруждать, как Управление, так и участки Городской Охраны просьбами о штемпелевании продовольственных книжек, записаться в любой Профессиональный Союз или другую какую Общественную организацию, куда потом и обращаться для штемпелевания продовольственных книжек.

Как исключение, штемпелевание продовльственных книжек в Управлении Благовещенской Городской Охраны будет производиться лишь тем гражданам, которые в силу своей старости ли других каких-либо особых причин не могут быть членами ни Профессиональных, ни Общественных организаций. 609

Комиссар Благовещенской Городской Охраны Митин.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комиссара Земледѣлія Амурской области.

17 апрѣля 1918 года.

Настоящимъ предлагаю всѣмъ земледѣльцамъ-собственникамъ, проживающимъ какъ въ сбласти, такъ и въ гор. Благовѣщенскѣ въ кратчайшій срокъ не позднѣе 28-15 апрѣля сего года явиться лично по волостямъ для сообщенія свѣдѣній волостнымъ Земельнымъ Комитетамъ о количествѣ земли, орудіяхъ производства и составѣ семьи. Уклоняющіеся отъ сообщеній указанныхъ свѣдѣній будутъ наказаны по всей строгости закона.

Комиссаръ Земледѣлія Амурской области *В. Патрушевъ.*

Об'явление

От Комиссара Охраны Города.

Довожу до сведения всех граждан города Благовещенска, что штемпелевание продовольственных книжек производится рабочим и служащим со всеми членами семейства только в Профессиональных Союзах, всем же остальным гражданам гор. в Союзе Квартиронанимателей и Домовладельцев Большая, быв. Банк Взаимнаго Кредита; а потому убедительно прошу тех граждан, которые не состоят членами Профессион. Союзов не утруждать, как Управление, так и участки Городской Охраны просьбами о штемпелевании продовольственных книжек, записаться в любой Профессиональный Союз или другую какую Общественную организацию, куда потом и обращаться для штемпелевания продовольственных книжек.

Как исключение, штемпелевание продовльственных книжек в Управлении Благовещенской Городской Охраны будет производиться лишь тем гражданам, которые в силу своей старости ли других каких-либо особых причин не могут быть членами ни Профессиональных, ни Общественных организаций. 609

Комиссар Благовещенской Городской Охраны Митин.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Комиссариата Просвещения.

Многие из учащих запрашивают Комиссариат Просвещения, до кокого времени вести занятия в школах и следует ли по окончании занятий производить испытания.

Ввиду этого Комиссариат Просвещения раз'ясняет всем заведывающим школами Амурск. области, что испытание учащимся по окончании учебнаго сезона должно произвести обязательно в каждой школе, где к тому представится возможность и производиться оно должно по примеру прошлых лет, т. е. с участием 2-х учителей из соседних школ; в отношении же прекращения занятий в текущем году, Комиссариат Просвещения просит продолжит их возможно дольше, в зависимости от местных условий и по взможности прекратить не ранее Пасхи.

Комиссар просвещения **С. Корович.**

Секретарь **А. Пугин.** 533

Об'явление

Сим довожу до сведения граждан гор. Благовещенска, что вступив в управление всеми театрами и кино, я намерен из театра, вместо обычнаго зрелища, сделать храм науки и пособие народнаго внешкол. образован., девизом котораго будет всегда

„Учиться и учить“.

С своей стороны надеюсь, что все граждане Российской Республики окажут мне поддержку своим посещением этих народных трибун живого слова.

Да здравствует народное образование.

Комиссар просвещения по театральному делу **Е. С. Немировскій.**

Об'явление

от Комиссара Просвещения.

Доводится до сведения граждан города Благовещенска, что ныне театры Общественнаго Собрания и Мозаика национализированы и превращены в народные театры: первый—Художественной драмы и второй Сатиры и юмора, кои обслуживаются профессиональными работниками сцены и музыки под ответственностью, контролем и полным руководительством Комиссара Просвещения по театральному делу Е. С. Немировскаго. Лозунг народных театров-„Внешкольное воспитание“, Открытие театра Художеественной драмы состоится в субботу 20 апреля с. г. пьесой современной жизни: „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ соч. Потапенко.

За Комиссара Просвещения А. ПУГИН.

Секретарь А. ГОНЧАРОВЪ.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Довожу до сведения всех Комиссаров и Граждан, что все дела по оружию переданы Комиссару по оружию Амурской обл. При главном Революционном штабе, Амурская улица, дом Топаза, № 157. А потому за удостоверениями на право ношения и другими справками, касающихся оружия обращаться к выше указанному Комиссару.

Председатель Ликвидационной Комиссии Курносов.

Секретарь (подпись).

Об'явление

Настоящим сообщается, что с сего 16-го апреля все мандаты по реквизиции уничтожаются и считаются действительны, выданные следующим лицам: Эмиссару Реквизиционнаго Отдела Б. Немировскому и членам Реквизиционнаго отдела: Тучину, Сафокину, Жарикову и Римше.

Комиссар Продовольствия (подписал) **Сюткин.**

Завед. Реквизиционным Отделом **Немировский.**

Секретарь (подписал) **Мухин.**

К сведению гражд. г. Благовещенска

Выдачу суточных согласно декрета Народных Комиссаров с центра прекратить со дня увольнения всем вообще без'исключения, а выдачу пайка прибывшим с фронта произвести со дня прибытия на место за два месяца вперед, прибывшим с фронта и бывшим в тылу-за один месяц, а не бывшим на фронте—не выдавать со дня их увольнения.

За Комиссара Призрения **Палатов.**

Г. Благовещенск. Печатано в бывшей типографии „Голос Труда“ 26(13) Апреля 1918 года.

Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru